

очарование

ДЖЕЙН ФЭЙЗЕР САБРИНА ДЖЕФФРИС ДЖУЛИЯ ЛЭНДОН

Снежная ночь
с незнакомцем

МИШАРМ

Джулия Лэндон

**Снежная ночь с
незнакомцем (сборник)**

«АСТ»

2008

Лэндон Д.

Снежная ночь с незнакомцем (сборник) / Д. Лэндон — «АСТ»,
2008

Что согреет душу, заледеневшую от одиночества? Что станет лучшим подарком на Рождество? Конечно, любовь! Любовь пламенная, страстная и романтическая, чувственная и нежная. Любовь – такая, как в этом сборнике, в который вошли повести трех королев исторического любовного романа – Джейн Фэйзер, Сабрины Джеффрис и Джулии Лэндон.

© Лэндон Д., 2008

© АСТ, 2008

Содержание

Джейн Фэйзер	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	34
Глава 6	40
Глава 7	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Джейн Фэйзер, Сабрина Джеффрис, Джулия Лэндон Снежная ночь с незнакомцем Сборник

Джейн Фэйзер Рождественские игры

Глава 1

Кажется, снег никогда не кончится, мрачно думал Нед Вейзи. От его дыхания стекла на окнах тесной кареты запотели, и он, наклонившись, протер стекло затянутой в перчатку рукой. Правда, снаружи оно оказалось залеплено снегом, пропускавшим слабый свет, поэтому ничего не было видно.

Нед откинулся на кожаные подушки и вздохнул. Карета, сделанная с первоклассной элегантностью и удобством и оснащенная наилучшими рессорами, после трехнедельного путешествия казалась виконту Аллентону почти такой же удобной, как если бы это была запряженная ослом телега. Снегопад уже усиливался на выезде из Ньюкасла, а теперь, когда они пробирались между Чевииотскими холмами, превратился в настоящую метель. Лошади с трудом удержались на крутой дороге, которая большей частью представляла собой проложенную телегами колею, тянувшуюся между холмами, только Богу известно до какой высоты, думал Нед. Вероятно, верхние перевалы окажутся закрыты. К счастью, его путь лежал не к холмам, а в сторону от них.

Олнуик, небольшой красивый городок в Нортумберленде. Таким он запомнил его, но прошло уже десять лет с тех пор, когда он последний раз посещал родительский дом. Еще до того, как его, так называемую паршивую овцу своей семьи, отправили в ссылку после скандала, который сейчас казался ему страшной глупостью. Поскольку кровные узы давно были разорваны, он не ожидал теплого приема здесь, на этом Богом забытом холодном севере.

И если бы его брат Роберт выжил, Нед по-прежнему наслаждался бы знойной Индией. Однако Роб во время охоты не заметил изгороди, и оба, и лошадь и всадник, свалились в канаву, которую не было видно с их стороны. Лошадь сломала две ноги, а Роб – шею. Что сделало вполне довольного своей жизнью младшего сына, Эдварда, «паршивую овцу», наследником семейного состояния и титула. А младший сын искренне предпочитал вести жизнь ничем не выдающегося Неда Вейзи, индийского набоба, Эдварда Вейзи, виконта Аллентона.

Но такова судьба, думал Нед, кутаясь в длинное пальто. Десять лет назад его отец совершенно забросил имение, все ветшало и разрушалось, и, судя по письмам агента, Роб довел разрушение до конца. И младшему сыну, который умудрялся извлекать пользу из своего изгнания, предстояло собирать все по кусочкам.

Карета покачнулась, лошади споткнулись, ступив в глубокую рытвину на уже обледеневшей дороге.

К сожалению, остановка не спасла бы их. Они бы все замерзли, включая кучера, фореиторов и лошадей.

Карета, хотя и очень медленно, все еще продвигалась вперед. Нед, с трудом отдирая налипший снег и лед, открыл дверцу и вылез наружу, в окружившую его метель. Он пробился к кучеру и ближайшему форейтору.

– Сколько времени нам еще предстоит выбираться отсюда? – крикнул он, в то время как снег забивал ему рот и нос.

– Трудно сказать, милорд, – откликнулся кучер, погоняя кнутом напрягавшихся лошадей. – С такой скоростью мы за час проедем не больше мили.

Нед выругался в залепивший ему лицо снег, и ветер унес его слова.

– Вам лучше сесть обратно, сэр, – крикнул с козел кучер. – Лошади не почувствуют лишний вес, а вам не стоит мерзнуть.

Нед кивнул и забрался снова в карету, все еще проклиная себя за то, что промерз до костей и теперь не мог согреться в ледяном холоде кареты.

Если они когда-нибудь доберутся до Хартли-Хауса, то по крайней мере он найдет там желанное тепло. Там в доме царит праздничное веселье. Дружеская атмосфера и радостный дух Рождества, бурно создаваемые лордом Хартли, станут приятным средством отвлечься от холодного запустения его собственного дома. Сара будет ему хорошей женой...

– Кто-то... кто-то там есть.

Слова кучера нарушили ход мыслей Неда, и он схватился за ручку дверцы, когда карета резко остановилась. Открыв дверцу, он соскочил на землю. Впереди на дороге мелькал свет фонаря, и в густо падавшем снегу с трудом просматривались четыре фигуры, стоявшие у перевернувшегося кабриолета. Пони уже выпрягли, и он стоял, выпуская из ноздрей пар, и бил копытами.

– Оставайся с лошадьми, – бросил Нед через плечо. И, перешагивая через сугробы, двинулся к месту происшествия.

– Что здесь случилось?

Один из стоявших, юноша, повернулся к нему.

– У пони застряло в рытвине копыто, сэр, – сказал он с заметным нортумберлендским акцентом, которого Нед не слышал лет десять. Однако с некоторым удовлетворением он обнаружил, что без труда понимает его. Для приезжих этот язык звучал как иностранный.

Нед наклонился осмотреть ноги пони, опытной рукой ощупывая сухожилия.

– Не вижу никаких повреждений, – сказал он, выпрямляясь. – Почему вы запрягли пони в кабриолет, да еще в такую ночь?

– А почему вы выехали на лошадях, да еще в такую метель? – спросил юноша явно вызывающим тоном.

Несмотря на падавший снег, утром, когда они выезжали, не было никаких признаков приближавшей пурги, однако Нед не имел желания спорить с наглым молодым человеком. Он повернулся и направился к своей карете.

Неожиданный удар в шею скорее вызвал у него удивление, а не боль. Он упал в снег на колени, и кто-то легко вскочил ему на спину и обхватил его за талию. Чьи-то руки скользнули в глубокие карманы его пальто, а затем под пальто. Все это произошло в мгновение ока. Небольшой вес исчез с его спины, и Нед поднялся на ноги. Нападавшие и пони исчезли за стеной снега позади него. Кабриолет оставался на месте. Похоже, это был отработанный прием, применявшийся для ограбления беспечного путника на безлюдных дорогах.

Нед проклинал свою глупость. Чевиотские холмы кишели бандами бродяг и разбойников; он просто не ожидал, что станет жертвой в такую непогоду. Нед проверил карманы. Там всегда лежал кошелек с пятью гинеями, чтобы было проще рассчитываться в придорожных гостиницах. Кошелек исчез.

– Что там случилось, милорд? Ничего не видно. – Кучер слез с облучка, но ни он, ни форейторы не отходили от лошадей.

– Ничего особенного, – сказал Нед, забравшись в карету, теперь уже не только замерзший, но и промокший. – Поехали.

Карета тронулась, и он ощупал подкладку пальто. Из кармана его жилета исчезли карманные часы. Шустрые пальцы юноши продемонстрировали ловкость опытного карманника. В плотной пелене падающего снега Нед не разглядел ни одного из нападавших, закутанных в плащи с надвинутыми на лицо капюшонами, но был уверен, что при случае узнает прикосновение этих пальцев к его груди.

Денежная потеря была невелика, но совсем другое дело его оскорбленное самолюбие. Лет десять назад он не попался бы в такую ловушку, но пребывание в Индии, очевидно, расслабило его, с отвращением к себе подумал Нед. Он научился делать деньги, много денег, но при этом что-то утратил. Это что-то он должен восстановить, если вынужден снова стать английским джентльменом и жить в северной Англии.

Боже, как холодно. Он только теперь начал сознавать, что приходится переносить этим несчастным, сидящим снаружи.

Что-то стукнуло в крышу кареты. Кучер. Нед снова с трудом отодрал примерзшую дверцу и выглянул наружу.

– В чем дело? – Его слова исчезли в снегу, но кучер, едва видимый в белой мгле, указал куда-то кнутом. Нед всмотрелся в снежную завесу и заметил вдалеке блуждающий огонек.

– Мы не можем ехать дальше, милорд, – выкрикнул кучер. – Лошади не выдержат, и я промерз до костей. Думаю, нам надо попытаться кого-нибудь разбудить.

– Согласен, – крикнул ему Нед. – Я пойду вперед и посмотрю, что там. Я быстрее дойду туда пешком. – Он выпрыгнул в сугроб, утонув в нем до колен. – Форейторы, берите лошадей под уздцы и ведите их следом за мной.

Двое мужчин, утопая в снегу, пробились к головам лошадей. Нед двинулся вперед, проваливаясь по колено в снег, не спуская глаз с мерцавшего огонька. Спустя мучительных пятнадцать минут огоньки стали ярче и ближе. Он слышал позади себя тяжелое дыхание запыхавшихся форейторов и лошадей, но спасение было еще далеко.

Длинная подъездная дорога привела их к большому каменному зданию, из многочисленных окошек которого сквозь пелену снега пробивались лучи света. Когда путешественники подъехали ближе к каменным ступеням, ведущим к двойным парадным дверям, до них донеслись слабые звуки музыки. Нед отряхнул от снега пальто и подошел к дверям. Он застучал в дверь большим медным молотком в виде головы грифона, думая о замерзших лошадях и растерянных кучере и форейторах, стоявших по колено в снегу перед ступенями.

Он услышал шаги, стук засовов, и дверь медленно раскрылась. Из нее вырвалось тепло и свет. В дверях стоял облаченный в ливрею дворецкий, с изумлением смотревший на нового гостя.

– Могу я чем-то помочь вам, сэр?

В первое мгновение Нед был готов рассмеяться от нелепости этого вопроса. Но только на мгновение.

– Да, – коротко ответил он. – Я виконт Аллентон, направляюсь в Олнуик. Эта снежная буря застала нас в дороге ночью, и нам надо где-то переночевать. Я буду вам признателен, если вы проводите меня к хозяину, но сначала пошлите за кем-нибудь, кто отведет моих кучера и форейторов на конюшню, а затем к кухонному очагу. – Говоря все это, Нед прошел мимо дворецкого в холл.

– Да... да, конечно, милорд. – Обернувшись, дворецкий позвал лакея. – Позаботься, чтобы лошадей лорда Аллентона накормили и устроили на ночь, и отведи его слуг на кухню. – Дворецкий снова повернулся к Неду: – Позвольте взять ваше пальто, милорд?

Нед заметил, как по мере таяния снега на одежде увеличивается лужа у него под ногами.

– Извините, что порчу вам пол.

– Забудьте об этом, милорд. Мы привыкли к здешней погоде, и полы у нас соответствующие. – Дворецкий улыбался, почти с благоговением снимая намокшее пальто с плеч Неда и укладывая его на скамью, казалось, предназначенную для этого. – Не подождете ли вы у камина, милорд, а я сообщу лорду Селби о вашем прибытии.

Он подвел Неда к массивному камину в конце роскошного зала, лишь на минуту остановившись налить ему бокал шерри из графина, затем поклонился и вышел.

Селби. Нед сделал глоток шерри. Роджер Селби. Один из старейших землевладельцев в Нортумберленде. Семейная история: грабежи и мошенничество. Говорили, будто в недалеком прошлом среди них были разбойники. Не так уж необычно для семей, правивших пограничными землями. Пару столетий назад семья Аллентон имела немало разбойников в своих рядах. Но они давно не занимались разбоем как средством обогащения. Однако отец Селби был признанным бароном разбойников, который до сих пор жил по-старому, как лет пятьдесят назад, а отец Неда всегда считал теперешнего лорда Селби способным переступить грань, когда ему этого хотелось.

Нед встречался с Роджером Селби только однажды, на выставке лошадей в Морпете. Добрых пятнадцать лет назад, подсчитал он, потягивая шерри и поставив намокший сапог на решетку камина. Селби был примерно лет на десять старше его и уже тогда имел титул барона, ибо его отец пропал таинственным образом на одном из высоких перевалов в Пеннинских горах.

Нед помнил, как его волновала эта тайна и он даже завидовал этому человеку, который получил независимость и освободился от семейных уз еще таким молодым. Он отвернулся от камина, услышав громкие шаги и знакомый голос.

– Аллентон... до нас доходили слухи, что вы возвращаетесь... и мы очень огорчены несчастным случаем, произошедшим с вашим братом. – В зал стремительно вошел Роджер Селби и протянул ему руку. – Но какой скверный ветер! Добро пожаловать, дорогой. Неподходящая ночь, чтобы оказаться в дороге человеку или зверю. – Он сжал довольно тонкую руку Неда своей огромной ладонью.

Роджер был высокого роста, его крепкая фигура обросла жиром, как это случается с бывшими спортсменами, когда они переходят к сидячему образу жизни. Шея у него потолстела, и на накрахмаленном шейном платке покоилось несколько подбородков. Лицо Роджера было красным, и глаза налились кровью, но его улыбка выглядела искренней, а рукопожатие казалось твердым и теплым.

– Совсем не похоже на Индию, – сказал он с веселой усмешкой. – Боже мой, друг мой, да вы совсем замерзли. – Он дружески похлопал Неда по плечу, продолжая пожимать ему руку.

– Признаюсь, я забыл, как суровы эти северные зимы, – сказал Нед, освобождая свою ладонь. – Вы должны простить мне бесцеремонное появление.

– Да нет... это совсем не так. Знаете, как мы, нортумберлендцы, гордимся своим гостеприимством в нашей неприветливой стране. Сомневаюсь, что вы, судя по такой метели, уедете от нас раньше чем через неделю. Дорога отсюда до Олнуика будет закрыта по крайней мере на несколько дней.

Нед кивнул. Он ожидал этого.

– И никак нельзя отправить посыльного?

Роджер Селби покачал головой.

– Вас кто-то ждет?

– Меня ожидают в Хартли-Хаус на Рождество. – Нед обреченно пожал плечами. – Я надеялся приехать в Олнуик сегодня вечером.

– Теперь они уже не ждут вас, – заявил Селби. – Они только выглянут в окно и сразу все поймут.

– Да, уверен, что так и будет. – Нед повернулся, услышав чей-то тихий кашель, слышавшийся в темноте у лестницы. Из темноты вышел дворецкий, впусивший его сюда.

– Простите, лорд Аллентон. Но ваш кучер внес сюда ваш сундук. Я взял на себя смелость и велел отнести его в спальню, а слуга готовит для вас горячую ванну.

– Хорошо, хорошо, Джейкобс. Это то, что нужно, – сказал Селби. – С вами, Аллентон, будет все в порядке, как только вы снимете мокрую одежду. Мы подождем с обедом ради вас. Джейкобс, скажи повару, чтоб обед подали на час позже... Этого времени вам хватит, Аллентон?

– Больше чем достаточно, – поспешил его заверить Нед. – Вы слишком добры, Селби. Я не хотел бы доставлять вам неудобство, да еще в канун Рождества...

– Чепуха, дорогой... никаких неудобств. Возьмите с собой шерри. – Он сунул в свободную руку гостя графин и подтолкнул его к лестнице, где его ожидал дворецкий, чтобы проводить наверх.

Нед поблагодарил хозяина, и сам направился впереди дворецкого с бокалом и графином в руках. Гостеприимство нортумберлендцев стало легендой, на что имелись все основания. Никогда еще среди этих холмов ни одному зимнему путнику не отказали в приюте, но прием, оказанный Роджером Селби, был уж слишком теплым и, казалось, превосходил просто обязанность.

Все же они были соседями, подумал Нед, войдя в хорошо обставленную большую спальню. Это и объясняло такой теплый прием.

– Лорд Аллентон, это Дэвис, и он будет рад стать вашим слугой на время вашего пребывания здесь, – сказал дворецкий, указав на лакея, распаковывавшего сундук Неда. Дэвис поклонился и исчез.

Не забыть бы как-нибудь отблагодарить кучера за то, что тот в такую пургу принес сундук в дом, думал Нед, разбирая свои вещи. Большинство людей при таких обстоятельствах просто бросили бы его, и ему пришлось бы обедать в чужом, у кого-то одолженном халате.

– Ванна готова, сэр, – объявил слуга. – Я отнесу на кухню ваш синий сюртук, и Салли погладит его. Он очень помялся, осмелюсь заметить, а он понадобится вам к обеду.

– А там не найдется менее мятого? – спросил Нед, со вздохом облегчения сбрасывая свой намокший сюртук. – Думаю, нет необходимости заставлять кого-то делать это за такое короткое время.

– Нет, милорд. Другого, не мятого, нет, а нашей Салли это совсем не трудно, – обиделся Дэвис. – Лорд Селби любит, когда все в порядке. Он очень привередлив.

– Ладно, тебе лучше знать, – весело сказал Нед, расстегивая штаны. – Я был бы благодарен, если бы ты что-нибудь сделал с моим пальто. Оно намокло, и вполне вероятно, его уже нельзя починить, но пока у меня нет замены. По-моему, пальто осталось в холле.

– Мистер Джейкобс позаботился о нем, сэр, – сказал Дэвис. Он начал доставать из сундука рубашки и шейные платки, благоговейно разглаживая их перед тем, как аккуратно уложить в ящик в шкафу. – Хорошая ткань, сэр, осмелюсь заметить.

– Ты прав. Индийские портные прекрасно работают с тончайшим полотном.

– А эти сюртуки, сэр, не шьются в Индии! – воскликнул Дэвис, поднося к свету сюртук из тончайшего зеленого сукна. – Это работа одного из лондонских портных.

– Правильно. – Нед, раздевшись, ступил в медную ванну, поставленную у камина. – Шульц или Уэстон, мне нравятся оба.

Он опустил в воду и с наслаждением положил голову на край ванны.

– Вот этого стоило подождать. Передай мне шерри.

Дэвис протянул ему вновь наполненный бокал.

– Я только отнесу сюртук Салли. Я нужен вам в течение следующих пятнадцати минут?

Нед закрыл глаза.

– Нет... нет, Дэвис. Не спеши. – Нед погрузился в успокаивающую теплоту, чувствуя, как напряжение покидает его. Он должен был приехать к Хартли утром, но их не удивит, если он так и не сможет до них добраться. Пурга бушует на всем протяжении до Олнуика. Им остается только беспокоиться, найдет ли он приют под чьей-то крышей, но сейчас он никак не сможет успокоить их. Никакой посланец не пробьется сквозь эту метель, сказал Роджер Селби. Похоже, он проведет по крайней мере Рождество в Селби-Холле.

Честно говоря, Неда не очень огорчало, что он задерживается в пути, опаздывая в Хартли-Хаус. Столько времени прошло с тех пор, как он сделал предложение Саре Хартли. Тогда ему было девятнадцать, а Саре семнадцать лет. Они с раннего детства знали друг друга. Приграничные городки и деревни Нортумберленда создавали особую атмосферу, в которой местные семьи, немногочисленные и живущие далеко друг от друга, в отношении светской жизни целиком зависели от своих соседей. Между Ньюкаслем и Эдинбургом не было ни одного большого города. Это была пустынная суровая местность, в которой жители берегли взаимозависимость внутри своего круга и в то же время яростно протестовали против независимости чужаков.

Сара была милой девушкой. Нед прикрыл глаза, пытаясь воссоздать ее образ. Очень светлая пухленькая блондинка с глазами цвета барвинка. Конечно, с возрастом она могла измениться, сформироваться как женщина. Она рыдала, когда он уехал, и ждала его все эти десять лет. Как писал о ней Роб в своих редких письмах. Сара так и не вышла замуж, оставшись уже старой девой. Все говорили, что она тосковала по своей первой любви. И когда его вызвали домой, Нед не видел другого выхода, кроме как выполнить свое юношеское обещание. Своим приездом на Рождество в Хартли-Хаус он подтверждал обещание и собирался сделать это прежде, чем приступить к восстановлению разрушенного семейного имения.

Для этого у него было достаточно средств и собственных идей о том, как надо вести фермерское хозяйство, о разведении лошадей и об управлении имением. И план их осуществления, безусловно, увлекал его. И ему потребовалось бы присутствие рядом жены, женщины, знающей земледелие. Сара была бы хорошей женой. Так почему он не чувствовал искреннего энтузиазма? Все, что он сейчас чувствовал, было мрачное смирение перед взятым на себя обязательством.

Звук открываемой двери вернул его в незнакомую спальню.

– Наша Салли прекрасно поработала над вашим пальто, сэ, – сообщил Дэвис, осторожно раскладывая его на кровати. – Мистер Джейкобс сказал, что обед подадут через полчаса.

– В таком случае я не заставлю хозяина ждать. – Нед встал, расплескивая воду, взял висевшее у огня нагретое полотенце и, выйдя из ванны, завернулся в него. Затем провел рукой по подбородку и поморщился. – А ты не мог бы побрить меня?

– О, конечно, сэ, – ответил Дэвис, наливая воду из кувшина в тазик. – Я в этом деле мастер, сэ. Я обычно брил моего папу, когда у него дрожали руки. – Он взял длинное острое лезвие и с силой стал править его на ремне.

Нед сел на табурет около умывальника и отдал себя в руки лакея. Дэвис работал быстро и умело. И минут пятнадцать спустя он был готов присоединиться к хозяину. Теперь он чувствовал себя бодрым и отдохнувшим, неприятности этого дня остались позади. Только что отглаженный сюртук прекрасно сидел, сапоги приятно поблескивали, белье было белым, как свежесвыпавший за окном снег, а замшевые штаны – мягкими. Нед не считал себя тщеславным, но ему нравилось производить хорошее впечатление, и, не сдержавшись, он, прежде чем выйти за дверь, удовлетворенно кивнул своему отражению в настенном зеркале.

Спускаясь по лестнице, Нед услышал тихие звуки пианино и голоса, доносившиеся из гостиной, находившейся справа от холла. Голоса были в основном мужские, иногда вступал женский голос. Видимо, он попал на настоящий званый вечер. Нед направился через холл к двойным дверям, где стоял лакей, ожидавший его, чтобы представить.

Глава 2

В гостиной находились около двадцати человек. Комната была украшена зелеными ветками, среди которых блестели кроваво-красные ягоды остролиста. С люстры свешивались ветки омелы, и Нед понял, что стоит под самой большой ветвью с яркими светлыми ягодами, только когда от толпы отделилась женщина и, сопровождаемая веселыми смешками, подошла к нему.

– Добро пожаловать, незнакомец, я требую рождественского поцелуя.

И прежде чем он что-то понял, поцеловала его в губы, а в комнате раздались громкие аплодисменты. Женщина отступила и посмотрела на него скорее с насмешкой, чем с улыбкой. У нее были чуть затуманенные глаза и покрасневшие щеки.

Нед решил, что она немного пьяна, но поддержал дух игры, которую здесь разыгрывали, и склонился перед ней в низком поклоне.

– Ваш покорнейший слуга, мадам.

– Сойдите с этого места, Аллентон, прежде чем все присутствующие дамы не поприветствуют вас под этой омелой... если, конечно, вы не желаете этого. – Роджер Селби с сияющей улыбкой и протянутой рукой направился к нему.

– Это доставило бы мне огромное удовольствие, – сказал Нед, тем не менее поспешно отходя от двери, чтобы поздороваться с хозяином.

– И в самом деле, дружище, у нас целая компания прелестных женщин, – сообщил Селби, беря его под руку. – Позвольте представить вас. Все в восторге, что увидят новое лицо. Вот он, леди и джентльмены. Наш новый сосед виконт Аллентон, только что из Индии.

Нед кланялся каждому, кому его представляли. Ни одно имя не было ему знакомо, что очень удивило его. Он предполагал, что на праздновании Рождества в доме Селби соберутся местные землевладельцы, чьи фамильные имена ему по крайней мере знакомы. Скоро он догадался, что гостями были не совсем обычные люди. Во всех пяти женщинах присутствовало нечто вульгарное. Сначала ему было трудно разобраться, но когда ему в руку вложили бокал кларета и вокруг него собралась целая группа, он начал замечать их особенности. Голоса звучали слишком громко, платья были слишком безвкусные, чтобы называться элегантными, а изобилие драгоценностей просто ослепляло. Мужчины большей частью были старше женщин, и это тоже казалось неприличным, несмотря на вечерние туалеты.

И в этом сомнительном положении Нед вел себя дружелюбно, смеялся вместе с ними, улыбался довольно частым, несмотря на присутствие женщин, непристойным шуткам и отвечал на бесцеремонные вопросы о своих намерениях в отношении наследства. Говорил он очень коротко и скупое, насколько это было возможно, полагая, что гости достаточно набрались алкоголя, чтобы замечать его неискренность.

– Кто-нибудь видел Джорджиану? – раздался у дверей чей-то голос, и все, как один, повернулись к мужчине примерно одного возраста с Недом, только что вошедшему в гостиную. Это был крупный мужчина с широкими плечами и телом, как бы созданным для боксерского ринга. Его румяное лицо светилось пасторальной красотой, светлые глаза были ясными и взгляд пристальным, но что-то расчетливое и хитрое мелькнуло в глазах, когда он увидел нового гостя.

– А, вы, должно быть, настигнутый темнотой виконт Аллентон, – протянул он руку. – Годфри Белтон, к вашим услугам.

– Очень рад, – сказал Нед, крепко пожимая ему руку и удивляясь, почему присутствие этого человека вызвало у него мгновенную ярость. Обычно у него не сразу возникала неприязнь к незнакомцам.

– Надеюсь, вы получите удовольствие от нашего праздника, – сказал Белтон, доставая из кармана и открывая ногтем коробочку. – Позвольте предложить вам понюшку... необычная смесь: думаю, вам понравится.

Нед покачал головой:

– Благодарю вас, но я не пользуюсь этим.

– А я думал, вы, индийцы, увлекаетесь этим... имеется в виду, что это полезно в таком ужасном климате, – заявил Белтон, беря для себя большую понюшку.

– Я не нахожу этот климат ужасным, – любезным тоном заметил Нед. – Он просто не всем подходит.

Годфри Белтон помолчал, выжидая, затем громко расхохотался, однако его смеху не хватало искренности и он повторил свой вопрос, обращенный ко всем, находившимся в комнате:

– Кто-нибудь видел Джорджиану? Я искал ее везде и всюду.

– Несносная девушка, вечно исчезает, – проворчал Роджер Селби. – Полчаса назад она была в своей комнате. Я сообщил, что обед задерживается. Тогда она была там.

– Ее там не было, когда я постучал минут пять назад.

– Как я понимаю, речь идет обо мне, – прозвучал из боковой двери тихий голос. – Я была в библиотеке, искала там книгу.

Молодая женщина, вошедшая в комнату, была совсем не похожа на женщин, находившихся в гостиной, как луна не похожа на миску творога, подумал Нед. Она была изящной и прямой как стрела, а ее платье из тонкого шелка цвета слоновой кости, с золотым чехлом позавидовала бы любая дебютантка в «Олмаке». Все ее украшения состояли из тройной нити безупречного жемчуга и таких же серег. А ее волосы представляли собой восхитительную массу медного цвета локонов, свободно падавших на плечи. Впрочем, беспорядочная прическа в отличие от платья не получила бы одобрения в «Олмаке». Но видит Бог, она этого и хотела.

Как и у многих рыжих, у нее были зеленые глаза и белоснежная кожа. Интересно, обладает ли она вошедшим в поговорку темпераментом, думал Нед, пряча улыбку.

Джорджиана тихо закрыла за собой дверь и вошла в гостиную.

– Простите, если заставила вас ждать, кузен.

– Ничего... ничего, – сказал Роджер Селби. – Позволь познакомить тебя с неожиданным гостем. Лорд Аллентон... моя подопечная, леди Джорджиана Кэри.

Нед поклонился; леди небрежно присела в реверансе.

– Догадываюсь, вы попали в метель, лорд Аллентон, – своим спокойным тоном сказала она. – По дорогам нельзя проехать.

– Вы совершенно правы, леди Джорджиана.

– А где вы были весь день, Джорджиана? – спросил Годфри Белтон слегка недовольным тоном. – Я искал вас повсюду. Я же говорил вам, что мы встретимся в Длинной галерее.

– В самом деле, говорили? Должно быть, я забыла. Простите меня. – Она лукаво улыбнулась и положила руку ему на плечо.

– Годфри и моя подопечная помолвлены, – сообщил Селби Неду. – Весной они поженятся.

– Мои поздравления, – сказал Нед с полупоклоном в сторону этой пары. Он заметил, что Белтон накрыл ладонью ее руку, как только невеста прикоснулась к нему. Джорджиана сделала попытку высвободиться, но Белтон лишь крепче сжал ее пальцы.

Она чуть заметно поморщилась:

– Я хотела бы немного шерри, Годфри.

– Не уверен, что, появившись так поздно, вы его заслуживаете, – сказал он. – Из-за вас задержался бы обед. – Не выпуская ее руки, Белтон направился к группе гостей, собравшихся у камина, но Нед успел заметить выражение лица леди. На какое-то мгновение ярость блеснула

в этих зеленых глазах и так же мгновенно исчезла, сменившись на сдержанную и кроткую улыбку.

– Обед подан, милорд, – возвестил появившийся в дверях Джейкобс.

– Хорошо... мы все умираем от голода, – заявил Селби. – Джорджиана, проводи лорда Аллентона к столу. Сегодня он наш почетный гость. Но это не надолго, Аллентон. – Он громко расхохотался. – Завтра вы станете одним из нас, а с завтрашнего дня до двенадцатой ночи будет править Князь беспорядков. Мы выберем его сегодня после обеда.

Нед хорошо знал средневековую легенду о рождественских празднествах, которыми правил Князь беспорядков. Предположительно такой обычай зародился в Древнем Риме, где на празднике все общепринятые в цивилизованном обществе порядки предавались забвению. В новые времена Князь беспорядков выбирали участники праздника, и на целых двенадцать дней он становился правителем, требовавшим абсолютного повиновения в выполнении его самых эксцентричных приказаний. Эта традиция все еще сохранялась в некоторых семьях, живших в этих краях, но ее никогда не соблюдали в доме отца Неда и он никогда не принимал участия в этих пресловутых двенадцати праздничных днях. И не думал, что ему этого хочется, ибо они предоставляли слишком много возможностей для неприятных шуток.

– У вас такой испуганный вид, лорд Аллентон. – Рядом с ним оказалась леди Джорджиана, и он заметил, как она, рассеянно поглаживая руку, улыбнулась ему. – Не бойтесь, мы не переходим границ.

– Рад это слышать, мэм, – сказал он, подавая ей руку, – в доме моего отца это не было принято.

– Но развлечения могут быть забавны, – сказала она, когда все направились через холл в столовую, находившуюся в другом конце дома. – И поскольку Князь беспорядков человек добросовестный, дело не пойдет слишком далеко. – И она подвела его к месту за длинным столом из красного дерева.

Нед выдвинул ей стул и затем сел справа от нее.

– Вам, видимо, очень хорошо знакомы эти празднества, леди Джорджиана.

– Мне хочется, чтобы меня называли Джорджи, – резко сказала она. – В городе меня все так зовут.

Он посмотрел на нее с удивлением. Ее голос так изменился. Робкий тон исчез, и в четко произносимых словах слышалось раздражение.

Затем она, встряхнув салфеткой, улыбнулась ему и сказала прежним голосом:

– Мне до сих пор трудно привыкнуть, когда меня называют полным именем, сэр. Но мой опекун настаивает. И я уверена: лорду Селби лучше знать. – Ее глаза были такими ласковыми, улыбка такой милой. И Нед подумал, что та поразительная перемена ему, должно быть, лишь почудилась.

– Но вас его мнение не беспокоит, – сказал он.

На мгновение Неду показалось, что Джорджиана заколебалась, бросив на него настороженный взгляд, но ей так и не пришлось высказаться по этому поводу.

– Итак, Аллентон, что вы ожидаете увидеть, когда доберетесь до дома? – Годфри Белтон, сидевший напротив него, разломил хлеб и уставился на Неда.

– Не имею представления, – спокойно ответил тот. Нед чувствовал намек в вопросе Белтона, и намек на что-то неприятное. – Десять лет прошло.

– Так вот, вы ужаснетесь, дружище, – громко вмешался Селби, сидевший во главе стола – Бог знает, о чем думал ваш брат, делая... разрушая и разоряя имение. – Он покачал головой. – Ужасные потери, я бы сказал.

– О, Роба Вейзи интересовали только лошади, карты и игра в кости, – заявил Белтон, засовывая в рот отломанный кусок хлеба и обильно запивая его вином.

Нед посмотрел на него с легким высокомерием:

– В самом деле?

– Да, не обижайтесь, Аллентон, – сказал Годфри со смешком. – Мы здесь все соседи, и у нас нет никаких секретов. Вы знаете, мы их просто не допускаем.

Неду удалось изобразить на лице улыбку.

– Надеюсь, я поправлю дела, – сказал он, глотнув кларета.

– Вам потребуются полные карманы, мой мальчик, – прорычал мужчина с конца стола. – Селби прав: все в руинах и развалинах, как я слышал.

Нед пытался вспомнить имя этого человека. Его звали Джайлс Уоринг. Вокруг старого Берика жили поколения Уорингов, они называли себя фермерами, но на самом деле были разбойниками. И среди них не нашлось бы ни одного джентльмена. Правда, сам Джайлс выглядел несколько неподходящим для разбойничьей жизни. Но и признаки цивилизации были ему чужды, если судить по тому, как он обращался с женщиной, сидевшей справа от него. Она определенно не была ему женой. Та леди сидела дальше, между двумя мужчинами, которые, казалось, находили ее общество таким же привлекательным, каким ее муж находил общество своей соседки.

Нед сосредоточил внимание на своем бокале, ограничившись еще одним уклончивым «В самом деле?».

Краем глаза он посмотрел на соседку.

– Как давно вы живете здесь, леди Джорджиана?

– Восемнадцать месяцев две недели и три дня. – Она взяла крохотный кусочек жареного фазана с поднесенного ей лакеем блюда. – Мы жили в Лондоне, когда умерла моя тетя. Лорд Селби мой опекун.

Нед не знал, как ответить на горькую точность ее ответа, а затем решил, что сейчас не время и не место для уточнений.

– Селби ваш кузен, вы говорили. – Он набрал полную тарелку еды. У него было такое ощущение, что он ничего не ел неделю.

– Это дальнейшее родство. – Джорджиана взяла с блюда три зеленые фасолы. – По-моему, со стороны моей матери. – Она слегка пожала худеньким плечом, как будто ей это было безразлично.

– Во всяком случае, Нортгумберленд далеко от Лондона, – заметил Нед, накладывая себе бобов и придвигая блюдо с жареным картофелем, которым пренебрегла его соседка.

– Никто еще не делал более точного замечания, лорд Аллентон, – сказала она снова тем же другим резким тоном.

– Джорджиана, вам надо есть, – крикнул ей с другой стороны стола Годфри Белтон. – Посмотрите на свою тарелку. Тут и котенку не хватит. Ради Бога, нарастите хоть немного мяса на ваши кости. Какой мужчина согрется ночью в постели рядом с такой палкой.

Нед с трудом сдержал себя. И почувствовал, как напряглись мышцы Джорджианы. Она напомнила ему кошку, готовящуюся броситься на жертву. Но она спокойно сказала:

– Я не голодна, Годфри.

– Вам нужно поупражняться, Белтон, – предложил кто-то из мужчин. – Чем скорее, тем лучше.

Новые раскаты смеха встретили эту шутку. Джорджиана, казалось, не обратила на нее внимания, старательно разрезая свою порцию фазана на мелкие кусочки.

– Джейкобс, положи леди Джорджиане большую ложку пюре из репы и картофеля, – распорядился Белтон.

Джейкобс смутился, но поднес накрытое крышкой блюдо Джорджиане.

– Позвольте мне, миледи?

– Не думаю, что у тебя есть выбор, Джейкобс, – вполголоса заметила она, но это был другой голос, тот, который, как решил Нед, был настоящим голосом Джорджианы Кэри.

Нед смотрел, как дворецкий, не обращая внимания на крики «еще, еще!», положил ей на тарелку лишь ложечку.

– Да от этого и птичка сдохнет, – возмущенно заявил Годфри, когда дворецкий отошел от стола.

– А теперь оставь ее в покое, Белтон, – сказал Селби. – Она никогда не отличалась хорошим аппетитом.

Видимо, слово Селби было законом. Годфри вернулся к своей тарелке, и общий разговор продолжился.

– А где вы жили в Лондоне? – спросил Нед.

– На Брук-стрит. Тетя была моей опекуной. – Джорджиана с плохо скрываемым отвращением ткнула вилкой в реповое пюре. – Я никогда не знала своих родителей, лорд Аллентон. Они умерли, когда я была еще младенцем. Моя опекунша являлась сестрой моей матери, и когда она умерла, меня передали лорду Селби.

И опять горечь. Нед был заинтригован, но не мог же он начать разбираться в противоречиях за этим обеденным столом.

– Но есть и преимущества в здешней жизни, мэм, – сказал он. – Горы здесь прекрасны.

– И долины восхитительны, – продолжила Джорджиана, подцепив вилкой кусочек фазана. – Великолепная рыбная ловля, а охота, как я слышала, еще лучше, и мне не надо слушать об этом еще раз. Вместо этого расскажите мне об Индии. – Она повернулась к нему, и он увидел жадный интерес в ее глазах. Джорджиана Кэри истосковалась по внешнему миру, миру, в котором выросла. А за этой жадностью крылась решительность, которая озадачивала его.

– И что бы вы хотели знать?

Джорджиана задумалась. Она хотела сказать: «Все, что угодно. Все, что не имело бы ни малейшего отношения к этому месту и этим людям», – но чувствовала, что уже достаточно заинтересовала виконта, и не решалась рисковать дальше. Она уже один раз поступила глупо сегодня, поддавшись порыву, и теперь, с трудом избежав последствий своего поступка, не могла позволить себе играть с судьбой. Пришла пора снова уйти в тень.

– Там очень жарко, как я понимаю, – сказала она тихим голосом. – И там жарко весь год? Я думаю, это должно быть утомительно.

Нед попытался скрыть свое разочарование. Он ожидал более острого интереса и большего интеллекта. Она же говорила совсем как скучающие мисс, с которыми он встречался в Лондоне и чьи мамочки пытались навязать их ему, самому богатому и самому привлекательному холостяку города.

Смешно, как бывшая «паршивая овца» превратилась в звезду сезона, думал он, скривив губы в иронической усмешке. Поразительно, как получение богатства может изменить брачные перспективы.

Джорджиана заметила улыбку и прикусила язык. При других обстоятельствах она прямо спросила бы его, какая мысль вызвала эту улыбку. Но такой вопрос задала бы Джорджи, а не Джорджиана.

– Я люблю жару, – мягко заметил Нед. – В отличие от многих других. – Он глотнул вина.

– А вы убили тигра, лорд Аллентон? – спросила соседка, сидевшая слева, выразительно содрогаясь. – Вы там были с одним из... о, как они там называют королей? Такое глупое слово, – болтала она, прикрываясь веером.

– Махараджи, – подсказала Джорджиана. – Они называются «махараджи», миссис Эддингтон. И ездят на слонах в чем-то под названием «паланкин». А когда их охотники выслеживают тигра, то убивают его. Очень мужественно, полагаю. Не так ли, лорд Аллентон?

Нед посмотрел на нее с нескрываемым веселым интересом. Ее презрение было настолько явным, что он не мог поверить, будто никто больше из сидевших за столом не расслышал его. Но никто даже не удивился, и Белтон сказал:

– Вы слишком начитанная, Джорджиана. Я всегда это говорил: женщине не следует... высказывать свои идеи.

– Какие идеи, Годфри? – спросила она сладким голоском. – Вы должны объяснить, чтобы я знала, о чем не надо думать.

И Джорджиана тут же прокляла свой непокорный язык. Она снова рисковала. Не с Годфри, который не понимал сарказм, даже если бы его вбивали ему в голову крикетной битой. Зато этот виконт Аллентон принадлежал к совсем другой породе.

Она сжалась на своем стуле, как будто могла совсем исчезнуть из его поля зрения.

– Нет, это далеко не мужество, – тихо сказал Нед. – Но почему вы пытаетесь спрятаться под стол?

– Я не пытаюсь, – с пылающими щеками упрямо возразила она. Она понимала, что только осложняет свое положение, но прошло два года с тех пор, когда ее беспокоило, что кто-то видит ее насквозь в ее маленьких представлениях. Никто, даже Роджер Селби, не подозревал, что ее покорность и уступчивость неискренни. А этот незнакомец, казалось, за один час точно оценил ее. Но не до конца, напонила она себе. Этого не могло произойти.

– Моя ошибка, мадам, – сказал Нед с усмешкой и, к ее радости, не обращая к ней, пока на стол не поставили второе блюдо.

– Я должен поздравить вашего кузена: у него хороший повар, – сказал он и взял на вилку кусок цыпленка в сливках. – Удивительно вкусно.

– Почему удивительно? – спросила Джорджиана, помешивая ложечкой мусс из спаржи.

– Насколько я помню, пища в этих краях очень простая, сытная, но никаких деликатесов, – сказал он. – Эта же имеет очень тонкий привкус.

– О, вы можете поблагодарить за это мою подопечную, сэр, – заявил Селби, протягивая руку к графине; лицо у него стало краснее, чем обычно. – Как только вошла в дом, она произвела в кухне настоящую революцию. И она не брезгует время от времени своими руками готовить соус. Разве это не правда, Джорджиана?

– Иногда мне нравится что-нибудь приготовить, кузен, – ответила она.

Годфри разразился грубым смехом.

– И такая вкуснота выходит из рук женщины с аппетитом птички.

– Эти птички, Годфри, в день съедают корма в двадцать раз больше, чем весят сами, – парировала Джорджиана. – Сомневаюсь, что это сравнимо с моим аппетитом.

Раздался общий смех, и Годфри сердито посмотрел на нее. Джорджиана знала, как далеко может зайти, не возбуждая в нем ярость. Годфри не выносил, когда на людях становился мишенью шуток, а собравшееся здесь общество едва ли стало бы сдерживать его. Поэтому она успокаивающе улыбнулась, надеясь, что он остынет, не дойдя до точки кипения. И к ее радости, он пробормотал что-то и уткнулся носом во вновь наполненный бокал.

Нед услышал ее тихий вздох облегчения и почувствовал, как расслабились мышцы ее тела. Что-то здесь происходило, что-то определенно вызывавшее беспокойство. Отчасти Нед жалел, что судьба не занесла его в пургу в какое-то другое место, но сильнее всего его мучило любопытство. Эта потрясающая Джорджиана Кэри была загадкой, которую ему очень хотелось разгадать.

Джорджиана с нетерпением ждала минуты, когда она, выполнявшая обязанности хозяйки дома своего кузена, могла подать дамам знак, что им следует удалиться. Чем скорее она скроется с глаз Годфри, тем скорее тот забудет ее шутку на дне графина.

Наконец Джорджиана оттолкнула свой стул, и в то же мгновение Аллентон вскочил на ноги и подхватил ее под локоть. Остальные женщины вышли следом за ней из столовой, и она впервые позволила себе по-настоящему расслабиться. Женщины не представляли собой для нее угрозы, если не считать скуку, но Джорджиана к этому привыкла.

В гостиной она разлила чай, и как только дамы принялись громко обсуждать сплетни, подошла к пианино. Здесь она по крайней мере могла найти мир и покой. Правда, лишь до тех пор, пока не появится Годфри и не потребует сыграть что-нибудь веселенькое, если ей вообще разрешат играть.

Погруженная в музыку, Джорджиана не сразу заметила фигуру, стоявшую немного в стороне. Прислонившись к дивану и сложив на груди руки, виконт пристально смотрел на нее. Ее пальцы застыли на клавишах.

– Лорд Аллентон, я не знала, что вы здесь.

– Простите, – сказал он, – я не хотел мешать вам. Вы превосходная пианистка, леди Джорджиана.

Она пожала плечами.

– Не совсем так. Я знала многих, кто играл значительно лучше меня. – Чуть сдвинув брови, она посмотрела на него. – Вы что-то рано отказались от портвейна, сэр.

– Я предпочитаю оставаться с ясной головой.

– Ну тогда вы одиноки в этой компании, милорд. – Джорджиана решительно закрыла пианино и встала. – Впереди еще двенадцать дней Рождества.

– Вы говорите это так, как будто предстоящие праздники не очень радуют вас, – заметил он, не сводя острого взгляда с ее лица.

– Это всего лишь двенадцать дней, – ответила она, проходя мимо него к подносу с чаем.

– Правда. – Нед пошел следом за ней. – А кого сегодня выберут Князем беспорядков?

– Выбор будет между Годфри и моим кузеном. И они предпочтут моего кузена... если что-то соображают, – сказала она не задумываясь. – Он единственный, кто, даже будучи пьяным, способен овладеть ситуацией, если она выйдет из-под контроля.

– Тогда я и буду так голосовать. – Нед покачал головой и нахмурился.

– Что случилось? – резко спросила Джорджиана. – Почему вы так на меня смотрите?

– Честно говоря, не знаю, – признался он. – Есть в вас... что-то знакомое. Я чувствую уверенность, будто мы раньше встречались, и в то же время знаю, что этого не случилось. Десять лет назад, когда я уехал в Индию, вы еще носили короткие юбочки.

– Мне было десять лет, – сказала она. – Конечно, мы не встречались. Но такое ощущение бывает... просто дежа-вю. Так сколько времени вы пробыли в Лондоне после возвращения из Индии... до того как приехали сюда?

– Только четыре недели, – сказал он, охотно меняя тему разговора. – Я подумал, что несколько недель, проведенных на юге между Индией и морозным севером, помогут мне адаптироваться. – Нед рассмеялся. – Сомневаюсь, что это получилось.

Джорджиана рассеянно улыбнулась. Из холла донеслись возбужденные голоса, возвещавшие появление остальных джентльменов.

– Сюда, сюда, больше никакого безвкусного пойла, – заявил Роджер Селби, входя в гостиную с двумя бутылками шампанского в руках. За ним следовал Годфри тоже с парой бутылок. – Это Рождество, леди, и я приказываю, что сегодня ночью никто не будет пить чай... как и во все двенадцать рождественских ночей. – Роджер взмахнул бутылками. – Годфри, открывай свои, а я открою мои.

Пробки выскочили, и полилось золотистое вино. Нед хотел занять Джорджиану разговором, но она избегала его, почти все время оставаясь рядом с женихом: наполняла его бокал, гладила по плечу, ласково улыбалась. Но Нед заметил, что она только прикасается к своему бокалу, искусно изображая, будто немного пьяна. Он наблюдал эту сценку с равнодушием чужого человека, хотя его интересовало, что же в действительности происходит.

Только в конце вечера она единственный раз обратилась к нему, когда поднесла стеклянную чашу с горстью бумажных листочков.

– Сделайте свой выбор, лорд Аллентон. – Джорджиана дала ему чистый листочек, он написал на нем имя Селби и, прежде чем положить в чашу, аккуратно свернул его. Она коротко кивнула ему и пошла дальше, собирая голоса.

Когда все проголосовали, Джорджиана повернулась в сторону от собравшихся, делая вид, что перемешивает листочки, произнося при этом ничего не значащие таинственные слова, затем снова встряхнула чашу и высыпала на стол бумажки. При подсчете оказалось, что двенадцать голосов подано за Селби и восемь – за Годфри Белтона.

Белтон казался оживленным, и среди всеобщего громкого одобрения и сочувствия ему ничего не оставалось, кроме как сохранять довольную мину. Селби воспринял выбор как должное, и наконец гости разошлись.

В холле гости зажигали принесенные ими свечи от стоявшего на столе около лестницы большого подсвечника и разбредались по своим комнатам, но Нед был почти убежден, что между спальнями происходило какое-то движение. Но это было не его дело: все, чего он хотел, – это покоя и тишины в собственных апартаментах.

– Доброй ночи, леди Джорджиана, – сказал он, зажигая свечу и прикрывая пламя ладонью, протянул ей.

– Доброй ночи, лорд Аллентон. Надеюсь, вас удобно устроили.

– Поверьте мне, мэм, сегодня мне было бы удобно и в сарае, – усмехнулся он. – Удобнее, чем на перине.

– Пойдемте, Джорджиана, я провожу вас до постели. – Подвыпивший Годфри, пошатываясь, направлялся к ним, размахивая горящей свечой.

– Я могу сама найти дорогу, Годфри, – возразила она, ловко ступив на лестницу, когда он привалился к столбику перил. – Крепкого сна вам, сэр. – И взбежала, легкая как воздух, вверх по лестнице и скрылась в темноте, а ее жених поплелся, спотыкаясь, следом за ней.

Ладно, Годфри Белтон сегодня не побеспокоит ее, подумал Нед. Этому типу повезет, если он в таком состоянии доберется до собственной кровати. Он подошел к Белтону и поддержал его за локоть.

Тот, казалось, удивился, но от помощи не отказался. Наверху он пробормотал пожелания доброй ночи и, пошатываясь, пошел по галерее. Нед следил за ним, пока тот не отыскал дверь и не застучал в нее. Открыл ему слуга, очевидно, поджидавший Годфри, который и исчез в дверном проеме.

Глава 3

Нед закрыл за собой дверь спальни и постоял минуту, наслаждаясь тишиной и покоем.

– Я приготовил вам ночную рубашку, милорд, – выпрямился Дэвис, поправлявший горевшие в камине дрова. – Не хотите ли рюмку коньяка?

Нед, соблюдая осторожность, весь вечер воздерживался от вина, но теперь, когда остался один, решил позволить себе небольшое удовольствие.

– Да, спасибо, Дэвис. А потом можешь идти.

– Разве вам не понадобится моя помощь, когда вы будете ложиться, сэр? – с некоторой обидой сказал Дэвис, подавая ему бокал.

– Я уже много лет справляюсь сам, – улыбнулся Нед, принимая бокал. – Спасибо за предложение, но я уверен: ты сам рад добраться до своей постели.

– Хорошо, милорд. – Дэвис поклонился и направился к двери. – А в какое время принести вам утром воду для бритья, сэр?

– О, не раньше семи, – рассеянно сказал Нед, вдыхая аромат коньяка, наполнявшего бокал с широкими краями, и одобрительно кивая.

– Хорошо, милорд, – как-то неуверенно сказал лакей и направился к двери. – Его милость обычно не завтракает раньше одиннадцати.

– Это не имеет значения. Я завтракаю хлебом и сыром. Принеси мне их вместе с горячей водой... и кофе.

– Очень хорошо, сэр... Спокойной ночи, сэр.

– Спокойной ночи, Дэвис. – Нед сел перед камином, вертя в пальцах бокал. Едва ли его удивил такой поздний завтрак в доме, где бодрствовали в позднее время и напивались. Нед отставил бокал и, сняв шейный платок, бросил его на пол, сбросил башмаки и, протянув к огню ноги, пошевелил пальцами, чтобы быстрее их согреть.

Не привиделась ли ему сцена в гостиной? Он был уверен: Джорджиана во время своих притворных заклинаний вытряхнула горсть бумажек из чаши, затем ловким движением руки бросила в чашу другие бумажки. Нед мог поклясться, что, перед тем как повернуться лицом к гостям и перевернуть чашу, она спрятала в рукаве настоящие записки.

Джорджиана хотела, чтобы выбрали ее опекуна. И нетрудно догадаться почему. Селби, даже пьяный, не терял самоконтроль. Годфри Белтон был опасен даже трезвым. Пьяным он становился неуправляемым.

Потягивая коньяк, Нед прикрыл глаза и задремал. Когда он проснулся, в камине тлели угли, свечи оплыли, а сам он окоченел. Проклиная все на свете, он встал и наклонился к камину, чтобы снова разжечь его. Нед сбросил сюртук и собирался снять рубашку, когда осознал, что сон уже прошел. Он продремал больше часа, и этого хватило, чтобы спать больше не хотелось.

Нед глотнул коньяку и зажег новые свечи в большом подсвечнике, стоявшем на умывальнике. Ему требовалась книга, чтобы отвлечься от смятения мыслей, проносившихся в его голове. Сара Хартгли... ожидавшая его на руинах родного дома... Джорджиана Кэри.

Последняя хотя бы на короткое время отвлечет его мысли. Как только он вырвется из Селби-Холла, мысли о ней исчезнут из его головы.

Нед зажег свечу в переносном подсвечнике и, осторожно приоткрыв дверь, прислушался. Обычный скрип и потрескивание деревянных панелей, и никаких признаков жизни. Он выскользнул в коридор и, осторожно ступая в одних чулках, вышел к лестнице, откуда началась галерея и где тускло светился настенный канделябр. Нед пересек холл и вошел в гостиную. Там было темно, и только в камине светились догоравшие угли.

Он поднял свечу, и мелькающие тени побежали по комнате. Прошлым вечером Джорджиана вошла в гостиную через боковую дверь позади пианино. Она вела в библиотеку, как сказала Джорджиана. А в библиотеке он найдет какую-нибудь книгу. Ему на глаза попался слабый свет, видневшийся из-под двери.

Нед поставил свечу на пианино и, подойдя ближе, остановился, подумав, не нужно ли постучать. Там или кто-то находился, или последний из слуг, отправлявшихся спать, забыл погасить свечу.

Вероятно, так и есть, решил Нед. Ведь сейчас было почти три часа утра, а хозяин и его гости легли спать вскоре после часа. Он приподнял задвижку и открыл дверь. Входя в комнату, он услышал звук захлопнувшегося ящика и какой-то шорох. Свет исходил от свечи, стоявшей на большом квадратном письменном столе, вдвинутом в нишу между окнами. У стола стояла Джорджиана, в мигающем пламени свечи ее роскошные волосы отсвечивали медью. Она выглядела более бледной, чем обычно, и что-то подозрительно похожее на панику на мгновение блеснуло в ее зеленых глазах и исчезло, как только она увидела вошедшего.

– Какого черта вы тут делаете среди ночи? – резко спросила она разгневанным, но приглушенным тоном.

– Я могу спросить об этом и вас, – сдержанно заметил он. – Так случилось, что я не мог уснуть и пришел сюда за книгой. По-моему, вполне логично найти ее здесь. – Он, вопросительно подняв бровь, указал на полки, с пола до потолка заставленные книгами.

– Пожалуйста, вы можете взять любую, какую найдете, – сказала она. – Я думаю, за последние пятьдесят лет, а то и больше, никто не раскрывал этих книг. Мой кузен не книголюб.

– А вы?

Джорджиана пожала плечами.

– Вы слышали моего жениха. По его мнению, я книжный червь и синий чулок.

Казалось, она перестала притворяться кроткой, послушной опекаемой, как только ее обычная публика отправилась спать. Нед усмехнулся и пристроился на подлокотнике кресла. Скрестив ноги, он слегка покачивал лодыжкой, разглядывая Джорджиану.

– Так что же вы здесь делаете в три часа утра, Джорджи?

– Я кое-что искала, – сказала она чуточку настороженно, как ему показалось. – Лист бумаги... Я думала, что обронила его и он завалился за стол, когда я была здесь прошлый раз.

– А, – кивнул Нед с мрачным видом. – Почему-то в это не верится.

– Представить не могу почему, – отрезала она. – В любом случае не ваше дело, милорд, что я делаю и когда.

– В этом я согласен с вами. Но может быть, я могу помочь вам... с этой бумагой?

– Нет, не можете, – сказала она, отходя от стола и показывая ладони, как бы подтверждая, что сказала правду.

– Это была важная бумага?

Выражение ее лица чем-то напоминало загнанную в угол лису.

– Нет,нисколько.

– Можно простить предположение об ее важности. Люди обычно не ищут сокровища в ночных рубашках и в такой ранний час. Если только не ищут что-то очень важное. – Нед встал с кресла, приблизился к столу сзади нее и встал на то же место, где стояла она, когда он вошел. Когда он открывал дверь, то слышал, как щелкнул замок поспешно закрываемого ящика. Сейчас ящик был закрыт, но бумагу положили неаккуратно и уголок ее выглядывал оттуда.

Нед выдвинул ящик и услышал, как Джорджиана беззвучно ахнула. Ее щеки вспыхнули, а в глазах мелькнула тревога.

– Кажется, тут что-то застряло, – предположил Нед, полностью выдвигая ящик. – Вот что. – Он положил пергамент обратно, разгладил его и снова тихо закрыл ящик. – Он должен быть запертым?

С легким вздохом Джорджиана придвинула к нему маленький золотой ключик. Он взял его, запер ящик и вопросительно посмотрел на нее.

Джорджиана снова с невольным вздохом протянула руку. Нед вложил ключик в ее ладонь. Она повернулась и подошла к книжным полкам в дальней стене. Выбрала книгу, раскрыла ее и опустила ключик в углубление в переплете. Затем поставила книгу на место и отступила назад посмотреть, как это выглядит.

– Осмелюсь предположить, что вашему опекуну надо внушить, будто никто не знает его секретов, – как бы между прочим заметил Нед.

– А нам всем не надо? – ответила она. – Вы намерены хранить мои, лорд Аллентон?

– Обязательно. Хотя мне страшно хочется понять, что же на самом деле происходит.

Она повернулась к нему, придерживая тонкую муслиновую нижнюю юбку.

– Роджер Селби не честный маклер, лорд Аллентон. Советую вам помнить это, когда будете иметь с ним дело.

– А я и не собирался иметь с ним какие-либо дела, – сказал Нед, внимание которого было поглощено видом ее чуть прикрытой груди и изящных изгибов, плохо скрываемых мягким муслином.

– Зато, как мне кажется, он намерен иметь дела с вами, – сообщила она, видимо, заметив его неожиданное внимание к ней.

– Это предупреждение?

– Добрый совет, – ответила она. – Я не знаю подробностей, но знаю своего кузена. – В ее голосе слышалась горечь, челюсти сжались, а ноздри слегка раздувались. Затем она повернулась к двери. – Затухите свечу, когда закончите, лорд Аллентон. Желаю вам доброй ночи.

– Джорджиана... Джорджи, подождите минуту. – Нед шагнул к ней, протягивая руку. Она повернулась к нему.

– Да?

– У вас какие-то... трудности?

И тут с ней произошла поразительная перемена. Она рассмеялась – искренне и весело.

– О, если бы вы только знали! Доброй ночи, милорд.

И ушла, оставив его в одиночестве. Нед чувствовал себя дураком, а ее смех все еще звучал среди пыльных фолиантов.

Нед подождал несколько минут, пока не остались лишь знакомые обычные звуки спящего дома, а затем подошел к книжным полкам, отыскивая том со спрятанным ключом. Он не смог разглядеть его название, но хорошо запомнил место на полке, где тот стоял. И нашел его с третьей попытки. «Путешествия Гулливера». Нед подумал, нет ли особого смысла в таком выборе.

Он достал ключ от стола и выдвинул ящик, не понимая, почему роется в личных бумагах другого человека. И не просто другого человека, а гостеприимного хозяина, приютившего его в пургу с теплотой и великодушием. И вот как Нед за это расплачивается, копаясь в его личных документах.

Он взял стопку документов и просмотрел их. Бумаги касались какой-то земельной сделки между Селби и Годфри Белтоном. Тысяча гектаров в болотистых низинах вокруг Грейт-Райл. Отличная земля, насколько было известно Неду. Он и не знал, что это часть большого имения Селби. Но как бы то ни было, сделка выглядела так, будто Селби отдавал эти земли без каких-либо условий. А они должны были быть – договор о собственности такой величины не мог являться просто подарком. Если только это не было связано с приданым Джорджианы. Он перебрал страницы, внимательно читая их. Нигде не было и упоминания о помолвке.

Очень странно, но какое ему дело? Нед аккуратно сложил бумаги, закрыл и запер ящик, вернул ключ «Лилипутам» и только тогда почувствовал, как устал. Его пыл, очевидно, угас. Он задул свечу, стоящую на столе, и вернулся в гостиную. Принесенная им свеча сгорела, и он оставил ее там и начал пробираться сквозь тени, отбрасываемые мебелью, в холл, а затем поднялся в свою спальню.

Нед разделся около камина, забрался на кровать под пологом и, утонув в пуховых перинах, натянул на себя одеяла. Кровать была холодной, все остатки влажного тепла от грелки давно исчезли, но Нед почти не замечал холода. Глаза его невольно закрылись, и он уже не думал о сегодняшних драмах и тайнах. Они подождут до завтра.

Последним из осознанных им видений были контуры ее тела, прикрытого складками муслина, и грудь с темными сосками.

А в своей комнате перед камином стояла Джорджиана, дрожь пробегала по ее телу. Она так стремилась проникнуть в библиотеку, так ждала, когда все в доме уснет, что не потрудилась надеть пеньюар и сейчас страдала от холода. Но от пеньюара было бы мало пользы. Завещания не оказалось в ящике стола. Продолжению поисков помешало неожиданное появление в библиотеке виконта.

Хотя он появился не вовремя, но его появление не было, как она вынуждена признать, таким уж нежелательным. Уже очень давно она не имела случая побеседовать с цивилизованным мужчиной из того самого мира, из которого она происходила. И этим мужчиной оказался Эдвард Вейзи. Конечно, здесь повлиял контраст между его манерами и поведением других гостей ее кузена, не говоря уже об омерзительном и непристойном поведении Годфри Белтона. Но было что-то еще.

Виконт Аллентон выделялся в толпе самых элегантных членов высшего общества. У него был вид человека, который совсем не думает о своем внешнем виде, но Джорджиана провела достаточно времени в мире моды, чтобы определить безупречный покрой его сюртука, искусно уложенный шейный платок и аккуратно подстриженные густые темно-каштановые волосы. Высокий рост и стройная фигура подчеркивали атлетическое сложение, а цвет глаз был скорее золотым, чем карим. А как восхитительна была его улыбка, когда он позволял себе улыбаться!

Но он не был счастлив. Что-то беспокоило его, и Джорджиана понимала его. Впереди, когда он наконец придет домой, чтобы принять наследство, он столкнется с большими проблемами. Это не могло быть приятным будущим. И если он любил свою жизнь в Индии так сильно, как говорит, тогда он, вероятно, в одной с ней лодке. А она вынуждена вести такой образ жизни, который бы она сама не выбрала никогда.

О, она не собиралась безропотно смириться с такой судьбой.

Джорджиана опустила на колени и отодвинула ковер перед очагом. Затем старательно ощупала широкие дубовые половицы, пока ее палец не попал в небольшое углубление. Она нажала пальцем, и две половицы бесшумно раздвинулись. Показалось маленькое темное отверстие. Джорджиана сунула в нее руку и вытащила мягкий замшевый мешочек. Он тяжело лег на ее ладонь.

Джорджиана встала, ногой откинула ковер на место. Она не ожидала никого в такой час, но привычка к осторожности крепко укоренилась в ней, ибо слишком дорого могла обойтись даже минутная беспечность. Она взяла мешочек с собой в постель, развязала его, вытряхнула содержимое на середину кровати, на толстое стеганое одеяло. Золото, серебро, медь, случайные камешки блеснули в свете свечи.

Джорджиана внимательно пересчитала накопленное, что делала каждую ночь. Сегодня драгоценностей стало больше, чем накануне. Скоро у нее будет достаточно. Если бы только она нашла проклятое завещание. Она видела его, но только однажды, когда стряпчий теткой объяснял ей его содержание. Джорджи являлась единственной наследницей своих родителей,

а наследство было значительное, состоявшее из дорогой собственности в Лондоне и Нортумберленде и акций. Джорджи не могла осуществить свой план, не имея на руках завещания в тот день, когда станет совершеннолетней. А оно где-то у Роджера. И еще у него в какой-то шкапулке хранились главные драгоценности ее матери. Бриллианты семьи Кэри. Только одного из них хватило бы на ее сегодняшние нужды. Так где же, черт его побери, он спрятал их?

До дня рождения, когда ей исполнится двадцать один год, оставалось шесть месяцев, и Годфри Белтон рассчитывал, что месяца за три до этого он сделает ее своей женой.

Джорджиана ссыпала свои сокровища обратно в мешочек, положила в прежний тайник, сдвинув половицы и накрыв ковром. Она приблизилась к окну, пытаясь разглядеть через обледеневшее стекло, не прекратился ли снег. Метель спутала все.

Джорджиана ничего не могла рассмотреть. Снег скопился на подоконниках, мешая что-либо увидеть. Она попыталась раскрыть окно, но в четыре утра это казалось нелепым. Нельзя было закрыться от снега в комнате, а ей и так уже было холодно.

Дрожа от холода, она загасила свечи и, бросившись на кровать, устроила себе гнездышко в пуховой перине.

* * *

Нед еще спал, когда в комнату вошел Дэвис с горячей водой и полотенцами в руках. Когда слуга раздвинул шторы, Нед пошевелился, затем приподнялся на подушках и удивленно посмотрел на слабый свет, пробивавшийся сквозь засыпанные снегом окна.

– Доброе утро, Дэвис.

– Доброе утро, милорд. Могу поспорить, еще никто не встал. – Он повернулся к кровати. – Я сейчас принесу кофе и завтрак.

– Спасибо... и веселого Рождества. – Нед отбросил одеяла и встал. Потянувшись, он почувствовал необычную скованность в мышцах. Вероятно, из-за того, что он так долго просидел скорчившись в тесной карете, не говоря уже о том, как пробивался сквозь сугробы, доходившие до пояса. Сейчас ему пошла бы на пользу долгая пешая прогулка, но в такую погоду это было невозможно.

Набросив халат, Нед подошел к окну и отодвинул засов. Окно открывалось наружу, и стена снега, прилипшая к нему, отвалилась, оставив лишь ледяные узоры на стекле. Студеный воздух ворвался в комнату.

Не обращая внимания на холод, Нед высунулся из окна. Снег падал такой плотной стеной, что он едва мог различить свою вытянутую из окна руку. Он убрал руку и с силой захлопнул окно. Ему предстояло провести целый день в компании гостей, и, кроме внезапной простуды, уложившей его в постель, он не находил иного повода, не нарушая законов вежливости, уклониться от выполнения своих светских обязанностей.

Но ожидалась и награда, и весьма значительная. Леди Джорджиана Кэри. Она тоже будет заперта здесь, а Нед уже успел заметить, как искусно она устраивала все так, как ей хотелось. Нед подозревал, что ее вкусы во многом совпадали с его собственными, и был готов предложить себя в соучастники преступления. Две головы всегда лучше, чем одна.

Вернувшийся Дэвис принес кофе, горячие булочки, сыр и тарелку ветчины.

– Надеюсь, пока этого достаточно, сэр, – поставив поднос на стол перед камином, неуверенно сказал он. – Повар слишком занят большим завтраком, чтобы приготовить сейчас что-нибудь горячее.

– вполне достаточно, – сказал Нед. – Надеюсь, я не доставляю слишком много лишних хлопот.

– О нет, сэр,нисколько, – обрадовался Дэвис, разливая кофе. – Леди Джорджиана тоже встает рано. Она завтракает на кухне. Любит яйца пашот и сама их готовит. И очень вкусно.

Нед глотнул кофе и сказал:

– Дэвис, я передумал, очень люблю яйца пашот, поэтому пойду поищу леди Джорджиану.

Скажи, как пройти на кухню, будь добр.

Дэвис удивленно посмотрел на него:

– Это не принято, милорд. Гости обычно не заходят на кухню. Это может не понравиться повару.

– Но если леди Джорджиана там, что мешает мне присоединиться к ней? – настаивал Нед, направляясь к двери. – Раз уж я не парадно одет, поднимусь по черной лестнице, если ты покажешь мне дорогу.

У Дэвиса не оставалось выхода.

– Сюда, сэр, – сказал он и направился к двери.

Глава 4

В кухне кипела работа, жар от огромной плиты добирался до каждого уголка. Мальчик поворачивал над огнем вертел с молочным поросенком, а женщина вынимала из печи, выложенной кирпичами рядом с пылающим очагом, готовые буханки. Две судомойки чистили картофель и резали овощи на длинном сосновом столе, стоявшем в центре кухни. Только один человек заметил появление Неда.

Джорджиана, в отделанном мехом халате, стояла у плиты и большой деревянной ложкой помешивала что-то в огромном медном котле. Когда вошел Нед, она оглянулась, и ложка застыла в ее руке.

– Доброе утро, лорд Аллентон, – сказала она, нахмурившись. – Что привело вас в рождественское утро не куда-нибудь, а на кухню?

– Намерение пожелать вам веселого Рождества, – сказал Нед, добавив со скрупулезной честностью: – А кроме того, яйца пашот. Дэвис сказал, вы готовите себе завтрак, и я решил попросить вас приготовить двойное количество.

– А я отказалась от этой идеи, – сказала она, продолжая помешивать. – В духовках не хватает места. Они заполнены бейкуельскими тортами, которые мой кузен считает крайне необходимыми для рождественского обеда. И более важными, чем рождественский пудинг. – Джорджи указала ложкой на два горшка с пудингами, от которых шел пар. – Поэтому я делаю омлет вместо яиц пашот.

– Омлет я тоже люблю, – с грустью сказал он.

Она засмеялась.

– Здесь полно еды. Садитесь, только подальше от огня. Если нарежете хлеб и намажете маслом пару ломтей, вы нам поможете.

– Конечно. – Нед нашел на другом конце стола еще не остывшую булку, нож и золотистое масло, по виду только что сбитое. Он отрезал несколько ломтей и щедро намазал их маслом.

Джорджиана принесла сковороду. Проходя мимо буфета, она сняла с полки пару тарелок, поставила их на стол и быстро поделила омлет.

– Еще есть кофе в кофейнике или немного пива, если хотите.

– В такое время только кофе, – сказал он, глядя, как она достает из буфета две неглубокие чаши. Джорджи двигалась быстро и грациозно, и ее движения были очень точными. Тонкую талию подчеркивал туго затянутый пояс халата, а тело словно купалось в струящихся шелковых волнах, когда она потянулась за глиняным горшочком, от которого шел ароматный пар. Медные локоны были небрежно перевязаны зеленой шелковой лентой под цвет халата. И снова им овладело чувство, что это дежа-вю, и Нед раздраженно тряхнул головой, отгоняя напрасные воспоминания.

Джорджи налила кофе в чашки.

– Сливки?

– Да, пожалуйста.

Она пожила сливки в чашки и села, держа свою чашку обеими руками и вдыхая аромат кофе.

– Одно надо признать: у Селби прекрасное стадо молочных коров.

– Только одно? – подняв бровь, спросил Нед, вонзая вилку в омлет.

– Просто я так выразилась, – рассеянно ответила Джорджи, взяв свою вилку.

Некоторое время они ели молча, а затем она неожиданно спросила:

– Что привело вас в Индию? Какой странный выбор места жительства.

– А это и не было моим выбором, – признался Нед, отхлебнув кофе и отрезая еще один ломоть хлеба. – В Лондоне у моего отца был знакомый владелец брокерской конторы. У него

имелись в Индии связи, и решили, что я должен поехать туда и разбогатеть... или умереть в попытке достигнуть богатства от какой-нибудь местной болезни, – добавил он с саркастической усмешкой.

– Но вы не умерли, – сказала она. – Значит, разбогатели?

Нед кивнул.

– И получал огромное удовольствие, делая это. И кажется, теперь я должен вложить свои деньги в содержание родового имения Вейзи.

Джорджиана уперлась локтями о стол, снова держа чашку обеими руками, и пристально посмотрела на него.

– А почему это был не ваш выбор?

– Я почему-то и думал, что это заинтересует вас. – Нед отрезал еще один ломоть хлеба. – Между прочим, омлет очень вкусный.

Джорджи нетерпеливо кивнула.

– Вы мне ответите?

Нед пожал плечами.

– Это не секрет... старая история. И довольно обычная. – Она молча ждала ответа, и он коротко ответил: – Я убил человека.

– Случайно? – Казалось, ее это не потрясло и даже не очень удивило.

– Не совсем. На дуэли. Я поймал его на мошенничестве в карточной игре и вызвал на дуэль. Он назвал меня лжецом, и следующее, что я помню, это его секундантов, явившихся ко мне. – Нед добавил кофе в свою чашку. – Мы встретились на рассвете, обычная драма... Я собирался отказаться от дуэли. Все это дело представлялось мне, как, впрочем, представляется и сейчас, совершенно смехотворным. Но один из моих секундантов якобы слышал, будто мой соперник постарается убить меня. И я сделал то, что должен был сделать. К сожалению, я довольно хороший стрелок.

– Поэтому вам пришлось покинуть страну?

– И довольно поспешно, – признался Нед. – Дуэли не одобрялись, а убийство человека на дуэли осуждалось еще строже, – сухо добавил он. – Поэтому я уехал в Индию и еще шесть месяцев назад не имел ни малейшего желания возвращаться.

– А теперь вас зовет долг.

Нед, подтверждая ее слова, наклонил голову, а затем сказал:

– Ваш жених, Годфри Белтон, из здешних мест? Я не помню такого имени.

Выражение лица Джорджианы изменилось. Губы сжались. А зеленые глаза холодно блеснули.

– Он друг моего опекуна. Я не знаю, где они познакомились. – Она вышла из-за стола и начала убирать грязную посуду.

– А где вы будете жить после свадьбы? – настойчиво продолжал Нед. – Откуда-то он ведь появился.

– Конечно, – коротко ответила Джорджи, поспешно отступив от него к тазу, в котором мыли посуду. – Я не знаю откуда. Но по-моему, он где-то владеет землей и строит дом около Грейт-Райл.

Подарок Роджера Селби, вспомнил Нед. Может быть, это был свадебный подарок от Селби новобрачным. Джорджиана получит прекрасный дом, а ее муж прекрасную землю. Это как будто все объясняло, но почему-то Нед в действительности не находил соответствия этому плану. Уж слишком просто и мило для мрачной атмосферы этого дома.

Он смотрел, как Джорджиана складывала посуду на деревянную сушилку. Каждый мускул на ее спине напрягался, и он снова представлял себе кошку, готовую к прыжку.

– В том доме вы и собираетесь жить?

Она повернулась к нему и смахнула со щеки выбившийся локон.

– Видимо, так.

– Но вам не хочется этого, – заключил Нед.

Джорджиана взглянула на него, и он увидел печаль и ярость в ее глазах, но она только сказала:

– Это бессмысленный разговор. Извините меня, но я пойду одеваться.

– Конечно. – Нед вежливо поднялся, когда она прошла мимо него, и тоже направился наверх с той же целью. Казалось, он попал в какую-то грязную таинственную историю. А может быть, не такую уж и таинственную. Джорджиана была отрезана от всего, что знала раньше, здесь, – в пустошах Нортумберленда. Рядом с нею не было друзей, с которыми она могла бы повидаться. А ее опекун имел власть поступать с ней, как ему заблагорассудится. Не принуждают ли ее вступить в этот брак? А если так, то с какой целью?

Когда Нед вошел в спальню, Дэвис раскладывал его одежду.

– Я подумал, синий сюртук, сэр, и замшевые штаны, – сказал он, почти с благоговением разглаживая одежду хозяина, разложенную на кровати. – И я почистил ваши высокие сапоги, сэр. Сколько шейных платков вам приготовить?

– Одного хватит, спасибо. – Неда немного удивил этот вопрос. – А почему мне недостаточно одного?

– Ну, я знаю, сэр, что следящему за модой джентльмену требуется полдюжины, пока у него получится требуемый узел, – объяснил лакей. – Мой дядя служил в городе одному джентльмену. Он знает такие вещи.

– Ладно, вероятно, это относится не ко всем мужчинам, – весело сказал Нед. – Я нахожу, что завязать платок как мне нравится очень легко с первой попытки.

– Да, милорд. – Дэвис был явно разочарован, и Нед почувствовал себя чуть виноватым в том, что не оправдывает ожидания своего лакея.

– Можешь еще раз побрить меня, – предложил он, сбрасывая халат. – Вчера ты сделал это превосходно.

– Благодарю вас, милорд. – Дэвис поднял халат и повесил в гардероб.

– О, не поищешь ли мое пальто? Я хотел заглянуть в конюшню, посмотреть, как там мои лошади, – сказал Нед. – Кстати, ты не знаешь, где находятся мой кучер и фореиторы?

– Над конюшней, сэр, в помещении с другими конюхами, – ответил Дэвис, наливая горячую воду в умывальник. – Они хорошо устроены и получили хлеб с мясом вместе со всеми нами.

– Хорошо. – Нед кивнул. Какие бы тайны ни скрывались в этом доме, он не мог не признать гостеприимство хозяина. И было бы неблагодарностью копать в личных делах Селби. Тем не менее там, где дело касалось Джорджианы Кэри, он именно так и поступит.

Прошло около часа. Дэвис помог Неду надеть пальто и заставил взять перчатки и шляпу.

– Погода очень быстро портится, милорд, – сказал он. – Плохо и для человека, и для животного.

– Я только дойду до конюшни, Дэвис, – напомнил ему Нед. – Разве никто не расчистил дорогу?

– Все время чистят, сэр. Но ее мгновенно засыпает снегом.

– Я рискну.

Когда Нед спустился с лестницы, в холле оказался Джейкобс.

– Вы не собираетесь выходить из дома, сэр?

– Только до конюшни, – сказал Нед. – Какая дорожка ближе?

– Я покажу вам, – послышался тихий голос, и из гостиной вышла Джорджиана. – Джейкобс, не принесете ли мне мои сапоги и накидку?

– Они только что высохли после вчерашнего, миледи, – сообщил дворецкий.

– Но все же высохли, – улыбнулась Джорджиана. – Я не могу весь день сидеть в доме, а конюшня недалеко.

Джейкобс покачал головой и ушел, что-то ворча себе под нос, но вернулся с теплыми сапогами и тяжелой накидкой с капюшоном.

– Не понимаю, почему вы не можете посидеть в тепле, как и все богобоязненные люди, – сказал он, поставив сапоги на пол рядом со скамьей у входа.

Джорджиана, смеясь, натянула сапоги.

– Очень приятно, что ты беспокоишься, Джейкобс, но, поверь мне, в этом нет необходимости. Немного снега не убьет меня.

Дворецкий опустил на одно колено, чтобы зашнуровать сапоги.

– Да один порыв ветра унесет вас, – возразил он.

– О, лорд Аллентон удержит меня, – ответила небрежно она, закутываясь в принесенную Джейкобсом накидку. – Вы же не позволите мне улететь, не правда ли, милорд?

Неда смущало, что этот разговор происходил в присутствии дворецкого, который, однако, казалось, не был шокирован или удивлен. И действительно, Джейкобс держал себя с подопечной своего хозяина так, как будто знал ее с раннего детства.

– Которая же дорога короче? – спросил он самым естественным тоном, каким ему только удалось.

– Через кухню. Идите за мной. – Джорджи направилась в глубину дома, прошла через кухню, где всю кипела работа и суетились слуги. Затем они миновали несколько буфетных и кладовок и выбрались во двор.

Снег падал так обильно, что Нед, опустив голову и пробираясь вперед, словно раздвигал белый занавес. Джорджиана, закутанная в накидку с капюшоном, быстро и уверенно шла между сугробами по узкой тропинке. Снег покрывал дорожку дюйма на четыре. Очевидно, ее недавно расчистили, хотя Неду казалось, что убирают снег слишком медленно. Он крикнул:

– Помедленнее, Джорджи, я почти не вижу, куда мне идти.

– Нам осталось пройти около двадцати ярдов, – откликнулась она; падающий снег заглушал ее голос.

Джорджи открыла ворота, и он вошел следом за ней. Неожиданно впереди показались стены здания, на верхних этажах горел свет. Нед с облегчением вздохнул. «Слабею», – подумал он. Годы, проведенные в солнечной Индии, плохо подготовили его к зиме.

Джорджиана повозилась с засовом на двери конюшни, уперлась в нее плечом и толкнула с неожиданной, как подумал Нед, для такого хрупкого существа силой. Но он уже давно пришел к заключению, что Джорджиана Кэри была совершенно не такой, какой представлялась миру.

В конюшне было тепло. Лошади стояли, покрытые одеялами. В стойлах лежало свежее сено. Нед обнаружил своего кучера и фореяторов играющими в карты. На столе стоял кувшин с элем.

– Все ли в порядке? – поинтересовался он.

– Да, сэр, – вскочил с места кучер. – Лошади вчера несколько не пострадали, чувствуют себя хорошо, милорд. Им дали хороших отрубей и почистили. С ними все в порядке, чего не скажешь о карете.

– Это не важно. – Нед взял кучера под локоть и отвел в сторону от его компаньонов. – Я хочу поблагодарить тебя за то, что принес мой сундук. Видимо, это было нелегко в таком снегопаде. – Нед незаметно вложил в руку кучера две золотые гинеи, и тот мгновенно зажал их в кулаке.

– Благодарю вас, милорд. – Он быстро опустил награду в глубокий карман своего пальто. – Значит, мы пробудем здесь некоторое время?

– Пока не прекратится снег и не расчистят дороги, – подтвердил Нед. – Еще несколько дней, думаю. Мне жаль, что ты не встретишь Рождество в кругу семьи.

– О, это не имеет значения, сэр, – с довольным видом сказал кучер. – Нам и здесь хорошо. Нам всего хватает.

Нед усмехнулся.

– Вижу. Ну так наслаждайтесь. Мы займемся каретой, когда придет время.

– Да, сэр. – Кучер вернулся к игре, а Нед вышел из помещения, где хранилась упряжь, удивляясь, куда могла деться Джорджиана.

Он нашел ее в стойле, где она разговаривала с серой в яблоках кобылой.

– Какая прелестная лошадь, – сказал он, положив сложенные руки на низкую дверцу стойла. – Она ваша?

– Да. Ее зовут Афина. – Джорджиана прижалась щекой к шее лошади и взглянула на Неда.

– Воинственное имя, – заметил он.

– Эта леди очень горячего нрава, – ответила Джорджиана, с улыбкой протягивая лошади кусок яблока. – Благородное сердце.

Лошадь взяла яблоко с ладони и тихо заржала.

– Вы закончили здесь свои дела? – спросила Джорджиана.

– Да, но с удовольствием подожду вас, если вам надо что-то еще сделать.

– Нет, больше ничего. Что еще делать в такую мерзкую погоду. – Джорджи погладила шею лошади и осторожно подула ей в ноздри, прощаясь, затем вышла из стойла и задвинула засов на дверце. – Нам все равно пора возвращаться. Скоро подадут завтрак. – Джорджи направилась к главному выходу на двор конюшни.

– Присутствие обязательно? – следуя за ней, спросил Нед.

– Короче говоря... да. – Она положила руку на затвор.

Нед поморщился от ее тона. Он тоже двинулся к двери, но что-то попало в поле его зрения. Длинный ряд стойл протянулся во всю длину здания, и в самом конце этого ряда он заметил голову выглядывавшего из стойла пони. Животное с любопытством смотрело на него своими опущенными длинными ресницами глазами. Нед ответил ему долгим озадаченным взглядом. Затем отвернулся и последовал за Джорджианой в падающий снег.

Нед догнал ее, когда они вышли из двора.

– Сколько вам лет, Джорджи?

Зеленые глаза озорно блеснули. Снег налип на длинные ресницы и выбившиеся из-под капюшона пряди.

– Невежливо задавать такой вопрос леди, милорд.

– Глупости, – усмехнулся он. – Отвечайте.

– Мне двадцать, если вам так надо это знать. Хотя не понимаю зачем. – Она шла дальше по глубоко засыпанной снегом узкой тропинке.

– И я догадываюсь, что вы выйдете замуж за Белтона прежде, чем достигнете совершеннолетия, – сказал он, обращаясь к ней через плечо, ибо тропинка оказалась слишком узкой для двоих.

В ответ Джорджиана лишь пожала плечами, и Нед снова почувствовал, как она наряжена. Больше он ничего не сказал.

Нед появился к завтраку, когда часы пробили одиннадцать, и был несколько удивлен, увидев там всех вчерашних гостей, которые наполняли свои тарелки из закрытых крышками блюд, а Джейкобс и его помощники разносили бокалы с шампанским.

«У них крепкие головы и хорошее пищеварение», – думал Нед, любезно отвечая на хор «Веселого вам Рождества», которым встретили его гости. Он положил себе на тарелку немного почек и ветчины. Он предпочел шампанскому эль и сел рядом с Годфри Белтоном, который держал у себя под рукой наполненную до краев кружку эля и гору копченой селедки на тарелке.

– Нет ничего лучше, чем начинать день с селедки, – заметил Годфри, покосившись на тарелку соседа. – Но не для вас, как я вижу, лорд Аллентон.

– Нет, – признался Нед. – Скажите мне, Белтон, я так давно не был в этих краях, что почти все забыл... Я не помню вашу семью. Откуда вы родом?

Белтон, вытащив изо рта горсть рыбьих костей, аккуратно раскладывал их по краям тарелки, на его щеках вспыхнул румянец.

– Видите ли, моя семья родом из Камберленда.

– А, тогда понятно, – вежливо сказал Нед, цепляя на вилку почку. – Вы одновременно и местный и чужой.

Конечно, Камберленд и Нортумберленд расположены настолько близко друг от друга, что знатная семья, проживавшая в одном графстве, была бы известна в другом.

Или их род не является знатным, или они приехали совсем из других мест.

Годфри, уткнув нос в селедку, что-то проворчал.

– Леди Джорджиана говорила мне, будто вы строите дом около Грейт-Райл, – сказал Нед, добавляя горчицу к почкам.

– Леди Джорджиане следовало бы не касаться моих дел, – заявил Годфри. – Вы знаете этих женщин, Аллентон. Не умеют держать язык за зубами. – Он попытался рассмеяться, как бы разделяя мужское недовольство противоположным полом, но из его жалкой попытки ничего не вышло.

Нед улыбнулся.

– Конечно... конечно, – согласился он. – Впрочем, если этот дом будет принадлежать ей, наверное, она не знает, что это секрет.

Его собеседник замолчал и отвлекся на пиво, через минуту со стуком поставил кружку на стол и потребовал еще. Лакей поспешил наполнить его кружку элем. Напротив него сидела Джорджиана и смотрела на своего жениха, и по холодному взгляду зеленых глаз нельзя было понять, о чем она думает.

Роджер Селби со скрипом отодвинул стул и встал.

– Леди и джентльмены, я Князь беспорядка и приказываю: сегодня утром мы будем играть в пикет по шесть пенсов за очко. После первой партии один выигравший играет с другим выигравшим. А в конце игры проигравшие платят штраф, установленный Князем беспорядка. Однако последний победитель сам выберет штраф для игрока, проигравшего ему.

Приказ встретили аплодисментами, и Нед был обречен провести скучное утро. Денежные ставки были низкими, шесть пенсов за очко, а штрафы Князя сулили лишь грубые шутки, хотя, возможно, и менее жестокие у Селби, чем были бы у Белтона, окажись тот на его месте. Нед слыл отличным карточным игроком. Это высоко ценилось в кругу британских раджей в Индии, и он без особых усилий справлялся с противниками.

Когда, закончив партию, Нед встал и поклонился проигравшему сопернику, то обнаружил, что прошло всего два часа. Игра с хихикающей миссис Эддингтон закончилась быстро. Он так и не понял, была ли леди на самом деле туповата или просто притворялась, считая это очаровательным. Она отдала ему пятьдесят шестипенсовиков, не переставая обмахиваться веером и восклицать, какая она глупая. Однако она и не надеялась выиграть у такого прекрасного игрока, как виконт.

Теперь у него оставалась последняя игра, и он оглядел комнату: кто еще продолжает играть? Осталась только одна пара. Джорджиана сидела напротив своего жениха за карточным столом в дальнем углу гостиной. На ее лице читалось равнодушие, и ее голос, когда она объявляла карты, быстро и уверенно меняя их, был лишен всякого выражения. Белтон раскраснелся и явно был в плохом расположении духа. Он швырял свои карты на стол, ругался, объявляя карты, и непрестанно прикладывался к бокалу с вином.

Нед как бы случайно подошел к ним. Он встал позади Джорджианы, сложил на груди руки и, прислонившись к стене, стал наблюдать за игрой. И чем дольше он смотрел, тем больше удивлялся. Она мошенничала. С той же ловкостью рук, которую проявила накануне при голосовании, Джорджи сбрасывала ненужную карту себе на колени, заменяя ее картой, которую доставала из рукава. Безусловно, играть она умела, ибо только по-настоящему умелый игрок мог бы так искусно мошенничать. Но почему она намеренно злила своего суженого? Ибо его настроение было последствием ее поступков.

Когда Годфри Белтону не удалось перейти Рубикон, он с силой оттолкнул, почти отшвырнул стул и встал.

– Ну, мадам, уверен, что вы считаете себя очень умной, – заявил он. – А вам просто везет, вот и все.

– Я уверена, Годфри, что везет, – сказала она с притворной скромностью, убирая карты.

– Сейчас сыграем или потом?

Это была неприятная ситуация, и Нед подумал, что Белтон взорвется от ярости, но подошел лорд Селби, с довольным видом потирая руки.

– Все в добром расположении духа, Белтон, все в добром расположении, – заявил он. – Отдай девушке, что ей причитается; ну вот и хороший мальчик. Остались только Джорджиана и Аллентон, и судя по тому, как он играет, эта работа как раз по ней.

Это замечание, казалось, не успокоило Годфри Белтона, но вмешательство Селби все же охладило его. Он достал из кармана горсть мелочи, бросил на стол и, пробормотав что-то неразборчивое, отошел.

Джорджиану это, видимо, нисколько не беспокоило. Она собрала монетки, положила их в ридикюль, в котором они удовлетворенно звякнули, смешиваясь с монетами, уже лежавшими в нем.

– Бедный Годфри, – сказала она. – Он просто ненавидит проигрывать. – Джорджи взглянула на Неда. – Посмотрим, ненавидите ли и вы проигрывать, лорд Аллентон. – Она указала на стул, на котором прежде сидел Белтон. – Не присядете ли? – Ее руки мелькали, собирая карты, перетасовывая и меняя их местами.

Нед не мог разобраться, что больше беспокоило или интересовало его в этой мизансцене. Но, со вздохом соглашаясь, занял место за столом. И жестом предложил ей сдать первую карту. Джорджи в ответ показала ему валета треф. Он сделал ход и вытянул из колоды десятку бубновой масти.

– Вы сдаете? – спросил он, зная, что, как опытный игрок, она выберет. Сначала она утратит этим преимущество, но приобретет его в последней партии.

– Я сдаю, – подтвердила она и быстро сдала каждому по двенадцать карт.

Ник огляделся и увидел, что Селби ушел и в эту минуту никто не наблюдал за ними.

– Я буду весьма благодарен, если вы воспользуетесь картами только из этой колоды, – тихо сказал он. – Мне не нравятся те, которые вы прячете в рукаве.

Нед с удовлетворением увидел, как она покраснела. Прикусив нижнюю губу, она подняла на него глаза.

– Черт побери, – сказала она. – Вы видели?

Нед кивнул.

– Зачем? Вы хотели разозлить его?

– Нет, но это было неизбежно. Мне нужны его деньги, – просто объяснила она.

– А не могли бы вы получить мои деньги другим путем? – с любезной улыбкой спросил Нед.

– В этом нет никакого смысла, если вы станете за этим следить.

– А зачем вам его деньги? – спросил, разглядывая свои карты, Нед.

Джорджиана ответила не сразу. Она смотрела в свои карты, удивляясь, почему ей так хочется довериться этому незнакомому человеку. Он был для нее никто. И все же в нем чувствовалось что-то дававшее ей надежду. Джорджи не испытывала этого ощущения с тех пор, как приехала восемнадцать месяцев назад в этот роскошный ад. Все ее надежды на будущее исчезли в то же мгновение, когда она поняла намерения своего опекуна.

Ее ожидала жизнь в постоянном страхе под пятой Годфри Белтона. Судьба, которая была хуже смерти. Но Джорджиана Кэри не собиралась принять будущее, навязанное ей, и боролась как только могла. Рассудок говорил ей, что нельзя посвящать в свои тайны чужого человека. Но что-то другое подсказывало ей, что этому незнакомцу можно довериться.

– Деньги всегда нужны, – сказала она. – Опекун сторожит мое состояние с особым усердием.

Нед бросил на нее быстрый взгляд. Она осунулась и помрачнела, несмотря на то что не отрывала взгляда от своих карт.

– Понимаю. Или по крайней мере думаю, что понимаю, – сказал он. – Это не такая уж редкая ситуация.

Джорджи подняла глаза, и Нед увидел, как в них вспыхнул гнев и, в чем мог бы поклясться, блеснули сдерживаемые слезы.

– Разве я это сказала?

– Нет, – признался он. – Не сказали. Играем дальше? – Нед прекрасно понимал, что, если у нее прольется хотя бы одна слеза, это будет катастрофой. На мгновение он поднял и показал ей свои карты. – Карт-бланш.

Джорджиана поморщилась. Это заявление давало ему преимущество, на которое она не могла ответить. Они упорно играли в течение часа. Нед догадывался, что она не мошенничает, но иногда сомневался. Он был склонен позволить ей выиграть, и если бы не сомнения в правдивости некоторой части ее рассказа, он так бы, вероятно, и сделал. Однако азарт игрока, который помог ему разбогатеть, проявлялся все более настойчиво. Джорджи показала себя хорошим игроком, но он был лучше.

Нед сделал последний ход, который поставил его в невыгодное положение, и Джорджиана впервые по-настоящему оценила талант виконта как картежника. Нед никогда не ошибался, его расчеты были точными, и она не могла не восхищаться им вопреки ее растущему недовольству собственным несовершенством. Она тихо проворчала себе под нос что-то не подобающее настоящей леди. Сдавая последнюю карту, Джорджи сразу поняла, что ее следовало бы придержать. Она подумала, переживет ли унижение оттого, что не сумела набрать сто очков. Но когда игра закончилась и очки подсчитали, она по крайней мере избежала этой участи.

Джорджиана собрала карты.

– Поздравляю вас, милорд. Вы превосходный игрок.

Он посмотрел на нее с чуть заметной улыбкой.

– Вы, конечно, играли не хуже.

– Я не всегда мошенничаю, – тихо сказала она краснея. – Только когда это необходимо. Я не была готова проиграть Годфри.

– Наверное, это такая политика, – нахмурился Нед. – Белтон был в отвратительном настроении. – Он поклонился. – Благодарю вас за игру, мадам.

– Аллентон, вы должны выбрать штраф Джорджиане, – объявил Селби. – Что это будет?

Джорджиана посмотрела на Аллентона. Виконт стоял перед камином, улыбаясь ей, и обдумывал вопрос. Целью штрафов являлось развлечение гостей. Селби выбирал для предыдущих проигравших наиглупейшие задания – например, держать на голове наполненные бокалы или ходить по комнате с завязанными глазами. Вполне безобидные игры. Годфри потребовал бы штрафы намного неприятнее.

– Пусть леди покажет нам карточный фокус, – предложил он. – Я уверен, у нее их много в рукаве.

Джорджиана прикусила губу. Он поддразнивал ее, и она не знала, смеяться ли ей или швырнуть в него чем-нибудь.

– Я не знаю никаких карточных фокусов, – возразила она.

– Ну хорошо. Я уверен, что знаете. Может быть, фокус с вон той стеклянной вазой, – указал он на чашу, которой она пользовалась накануне, собирая голоса для Князя беспорядка.

Негодник видел и это! Джорджиана пристально смотрела на него. Его шутки граничили с истиной, и все равно она была уверена: он не выдаст ее.

Нед рассмеялся.

– Это не имеет значения. Я снимаю штраф. Вы прощены, леди Джорджиана. – И он еще раз поклонился ей.

Раздались крики: «Позор!», – но появление Джейкобса, объявившего, что ленч подан, мгновенно успокоило всех, и гости поспешили в столовую, оставив Неда и Джорджиану наедине.

– Полагаю, я должна поблагодарить вас, – сказала Джорджи.

– О, не спешите меня благодарить, – небрежно заметил он. – Возможно, я собираюсь попросить что-то иное взамен.

Что еще этот дьявол имеет в виду? Джорджиана последовала за ним. Они вышли из комнаты, но вместо того, чтобы пойти вместе со всеми в столовую, как и виконт, она повернула в сторону и стала подниматься по лестнице в свою спальню. Виконт Аллентон как-то странно действовал на нее, и ей требовалось время, чтобы прийти в себя.

Глава 5

После второго завтрака отяжелевшие от вина, пирогов с дичью и сливовых пудингов гости разбрелись кто куда, а Нед направился в библиотеку за книгой, чтобы скоротать время. Джорджиана не выходила к столу, но поскольку ни опекун, ни жених ничего не сказали по этому поводу, Нед догадался, что они привыкли к ее отсутствию за столом. Его тоже мало привлекал этот ленч: прошло еще так мало времени после обильного завтрака, и он ел очень умеренно, зная, что впереди рождественский ужин. В Индии он привык к праздничным столам. Там переядание было нормой. Но ему по крайней мере предшествовала какая-нибудь физическая деятельность, после которой подавались горы еды и океаны вина, поглощаемые под приятным ветерком, создаваемым опахалами.

Нед со вздохом подумал о своей конторе в Мадрасе, где он занимался делами, расчетами, создавая свою империю. Там все продолжит работать и без него – он хорошо подготовил своих подчиненных, – однако его мозг требовал деятельности почти так же настойчиво, как и тело.

Нед вошел в библиотеку и остановился.

– Надеюсь, я не помешал.

– Нисколько, дорогой друг, нисколько. – Роджер Селби, сидевший в глубоком кресле у камина, не выпуская из руки трубку, жестом пригласил его войти. – Входите, возьмите бокал портвейна – очень полезно для пищеварения. – Он взял хрустальный графин, стоявший у него под рукой, и наполнил второй бокал. – Садитесь, мой дорогой.

– Спасибо. – Нед взял бокал и сел в кресло по другую сторону камина. Он потягивал вино и искал безобидную тему для разговора, но его хозяин сам избрал тему.

– В самом деле, как удачно получилось, Аллентон, что вы появились на моем пороге, – сказал Селби, задумчиво попыхивая трубкой. – Нам надо обсудить одно неприятное дело... И лучше всего поговорить о нем, сидя у камина с бокалом в руке. Мы можем поговорить как друзья.

Нед чувствовал, как в нем растет возмущение, но не понимал почему. Похоже, Селби приготовил какую-то гадость.

– Пожалуйста, продолжайте, – равнодушно сказал он и сделал глоток вина.

– Ну, дело в том, Аллентон, что ваш брат задолжал мне. И я хотел бы знать, когда вы сумеете вернуть долг.

– А. – Нед облегченно вздохнул. Когда речь шла о деньгах, он бывал совершенно спокоен. – Может, вы объясните мне, при каких обстоятельствах? Я не знал, что у вас с моим братом возникли какие-то деловые отношения.

– О, это была обычная сделка, сэр. Я продал ему хороший кусок земли, но есть кое-какое неприятное затруднение. Жаль, ваш брат был уже не таким, каким вы видели его в последний раз. – Селби с грустью покачал головой. – Короткая у него стала память. Он оспаривал сделку, хотя у меня имелась купчая. Сказал, что земля не стоит таких денег, но у нас был договор, подписанный и закрепленный печатью.

«Мой кузен не честный брокер». Сейчас Нед думал, что Джорджиана совершенно права.

– А где находится эта земля? – спросил он спокойным и доброжелательным тоном.

– Сразу же за пиком Кочрейн. – Селби выпустил колечко дыма.

– На тех холмах земля не годится для ведения фермерского хозяйства.

– Хороший выпас для овец, – сказал Селби. Он пристально смотрел на Неда, полуприкрыв глаза.

– У нас нет овец в Аллентоне и никогда не было, – сказал Нед, удивляясь, по какой причине Роб так легкомысленно решил расширить поле деятельности. Он всегда был импульсив-

ным и полным блестящих идей, на которые тратились деньги, но никогда не получалось ничего полезного.

– У вашего брата возникла некая идея, и, когда мы это обсудили, он заявил, что ему нужна земля под пастбище. Я сказал, что у меня есть немного, и тогда мы и заключили эту сделку.

Селби снова наполнил свой бокал и предложил второй гостю, но тут увидел, что Нед почти не притронулся к своему. Он постучал трубкой по стенке камина.

– Ваш брат отказался от соглашения. Он сказал мне, что передумал, когда увидел эту землю. Но в наших краях сделка остается сделкой, хотя вы, может, забыли наши обычаи, – добавил он с хитрой улыбкой.

– А у вас есть купчая на землю? – осведомился Нед по-прежнему дружелюбным тоном.

– Да, это у меня есть. – Селби выбрался из кресла и подошел к письменному столу. – Я всего несколько минут назад просматривал ее.

Он принес документ. Нед пробежал глазами единственную страницу. Это не был составленный согласно закону документ. Похоже, его писали в таверне. Подпись Роберта была сделана дрожащей рукой, строчки вылезали за края бумаги. Он взглянул на Селби.

– Мой брат был пьян, когда подписывал это?

– А какое это имеет значение? – В голосе Селби прозвучали враждебные нотки. – Он подписал ее и обещал заплатить две тысячи гиней. И я спрашиваю вас, милорд: когда вы намерены заплатить долг вашего брата? Вы будете непопулярны в этих краях, если не выполните обязательство. Но я допускаю, что вы так долго отсутствовали, что забыли, как у нас делаются дела.

И снова эта ухмылка. И неожиданно прищуренные глаза.

– Так случилось, – сказал Нед, – что я ничего не забыл, Селби. Вы рассказываете мне, что мой брат купил эту вашу землю не глядя? Не поставив условие, что может изменить свое решение, после того как посмотрит ее? – Даже Роб был не настолько глуп.

– Вы не верите моему слову, сэр? – выпрямился в кресле Селби.

«Не верю».

Но вслух Нед только спокойно сказал:

– Нет, почему не верю? Но прежде чем взять на себя этот долг, я намереваюсь сам взглянуть на эту землю. Я хотел бы знать, что покупаю... и еще хотел бы показать этот документ моему личному адвокату для удостоверения.

Он сложил бумагу и положил себе в карман.

– Как только все формальности будут закончены, я с удовольствием заплачу этот долг. – Нед встал, улыбаясь. – Благодарю за портвейн. И за своевременное напоминание о том, как ведутся дела в этих краях. – Он кивнул и вышел, лишив хозяина возможности что-либо возразить.

Неудивительно, что Селби вел себя так гостеприимно. В неожиданном появлении соседа он увидел возможность вернуться к делу, от которого отказался, когда умер Роб. Он был твердо убежден, что, будучи гостем, Нед окажется в затруднительном положении, как и в том, что долгое пребывание под горячим солнцем Индии притупило остроту врожденного ума Неда. Грабитель всегда остается грабителем. Даже если ограбление совершается менее жестким образом, чем в прошлые времена. Конечный результат одинаков. Так или иначе, является преступлением.

Нед поднялся на второй этаж, решительно избегая общества остальных гостей. Они представляли собой группу неотесанных грубиянов, и не первый раз Нед удивился, где Селби набрал их. Ему уже второй раз не удалось осуществить свое намерение зайти в библиотеку, но прогулка вокруг дома, вероятно, помогла ему лучше, чем чтение книги у камина, и он вспомнил, как накануне вечером Белтон говорил о Длинной галерее. Может быть, стоило ее посетить.

Нед не спеша прошел до конца коридора, где находились двойные двери, ведущие в галерею, высокие окна которой тянулись вдоль стены и выходили в парк. На остальных стенах висели, как обычно, портреты предков. На паркетном полу были в беспорядке расставлены диваны.

Нед шагнул в комнату, остановился, затем отступил назад.

– Говорю вам, женщина, научитесь держать язык за зубами... Зачем вам понадобилось рассказывать этому высокомерному сукину сыну о Грейт-Райл? – Голос Годфри Белтона все повышался и повышался.

– Это не секрет, Годфри, – возразила Джорджиана.

Нед вошел в комнату. Голоса доносились из-за занавеси, прикрывавшей нишу в конце комнаты. Занавесь была раздвинута, и он видел спину Джорджианы, повернувшейся лицом к Белтону. Нед, тихо ступая, направился к ним, стараясь держаться поближе к окнам, чтобы не попадать в поле их зрения.

– Это мое дело. И я не позволю, чтобы вы болтали о нем со всеми. К тому же вы слишком по-дружески держите себя с Аллентоном. Я видел, как вы строили ему глазки, – не думайте, будто я этого не заметил. И видит Бог, вы еще узнаете, насколько я не потерплю, чтобы моя женщина смотрела на кого-то другого.

В его голосе сквозила ярость, и Нед услышал, как у Джорджианы перехватило дыхание и она сдержалась, чтобы не вскрикнуть. Когда она сказала: «Отпустите меня, Годфри. Вы делаете мне больно!», – Нед быстрым шагом двинулся к ним.

– О, я сделаю и похуже, – заявил ее суженый, – если увижу, что вы смотрите на другого мужчину. – Если он и собирался сказать что-то еще, то его слова заглушил другой звук – Белтон взвыл от боли.

Нед, который уже не старался оставаться незамеченным, ясно видел происходящее. Джорджиана, как разъяренная кобра, молниеносно и решительно нанесла удар. Она пнула Годфри коленом в пах, а правой рукой била его по шее, которую он нагнул, задыхаясь от боли и пытаясь что-то сказать.

– Никогда больше не смейте причинять мне боль, Годфри, – сказала Джорджиана. – Будьте уверены, я ударю вас сильнее.

Она с отвращением отвернулась от свалившегося и стонущего жениха и в нескольких футах от себя увидела Неда, стоявшего так, что Годфри не мог его заметить.

Нед быстро вернулся к двери, и Джорджиана последовала за ним.

– А что вы здесь делаете? – Вопрос был коротким и сердитым, след последних нескольких минут все еще оставался в выражении ее лица и глаз.

– Я случайно проходил мимо и, услышав ваш спор, подумал, может быть, вам требуется помощь. Но как видно, ошибся.

Нед стоял, глядя на нее, и удивлялся, как он, черт его подери, не заметил этого раньше. Больше никакого дежа-вю. Джорджиана Кэри была воровкой и карманницей, в засаде подкарауливавшей путников, застрявших в снегу. Нельзя было ошибиться, глядя на то, как она двигается, на особенности ее фигуры и деловитую жестокость, проявлявшуюся в тех случаях, когда она решала свои проблемы. Теперь, глядя на ее расправу с Годфри Белтоном, Нед как бы снова почувствовал удар по собственной шее, полученный, когда она сбила его с ног. И ничего удивительного в том, что этот пони в стойле показался ему знакомым.

Джорджи остановилась в нерешительности, прижав руки к губам.

– В чем дело? Почему вы так на меня смотрите?

Он улыбнулся.

– Никакой причины, кроме восхищения вашей способностью заботиться о себе. – Он посмотрел на Годфри, все еще издававшего какие-то булькающие звуки. – Что теперь хотите с ним сделать?

– Оставить здесь, – холодно сказала она.

– А не захочет ли он отомстить?

– Возможно.

– Вам лучше заручиться поддержкой вашего опекуна, – предложил он. – Он наверняка не одобрит подобную грубость.

– Мой опекун находится в дурной компании, – тем же холодным тоном заявила она. – Конечно, вы можете понять это, судя по гостям, которых он приглашает. То, что вы считаете грубостью, для него вполне приемлемое поведение.

Джорджиана почувствовала боль от оставленных синяков и рассеянно растирала руки, раздумывая о последствиях только что случившегося. Годфри, безусловно, захочет отомстить. И ей, вероятно, не следует в это время находиться здесь. Но куда она сбежит в такую метель?

Нед заметил, как она все больше бледнеет, как в ее глазах появляется страх.

– Пойдемте, – предложил Нед. – Вам надо побыть в своей комнате. Скажите горничной, что вам нездоровится и вы намерены провести вечер наверху. – Он взял ее за руку и повел за собой. – Заприте дверь, если вам так спокойнее.

– Я не боюсь этого болвана, – яростно возразила она, но позволила Неду увести ее. Затем остановилась и посмотрела на него. – Конечно, моим единственным преимуществом было его неведение того, на что я способна. Теперь ему это известно, а он намного сильнее меня.

– Однако не так быстр, – сказал Нед, положив руку ей на поясницу и подталкивая вперед. – И не настолько сообразителен. А куда мы идем?

– В левый коридор, но вам нет необходимости идти дальше. – Неожиданно она испугалась, что начинает полагаться на теплую силу, исходившую из его руки. Искушение было велико, как и желание довериться ему. Но Джорджиана знала, что положиться она может только на саму себя.

– Я провожу вас до двери, – сказал Нед. – Я действительно за многое вам благодарен, Джорджи.

– О?

Как он и надеялся, эти слова отвлекли ее, и она искоса взглянула на него. Они шагали по коридору, и его рука по-прежнему уверенно лежала на ее пояснице.

– За что?

– Предупредили относительно вашего опекуна. Селби определенно не назовешь честным брокером.

– Чего ему понадобилось? – Джорджи повернула замок, распахнула дверь и уступила искушению. Она не хотела, чтобы он уходил, и к черту все последствия. – Входите и расскажите мне.

Нед зашел вслед за ней в просторную и уютную комнату. В камине горел огонь, и были зажжены свечи.

– Ну, кажется, Селби заманил моего неисправимо беспечно брата в ловушку, заключив какую-то так называемую сделку о покупке участка земли, но Роб умер, когда еще не завершился этот спор. И Селби кажется, будто меня можно уговорить добровольно заплатить этот долг.

Нед с усмешкой покачал головой и бросил выпавшее полено в огонь.

– Похоже, он думает, будто я вчера родился.

– О, он пойдет на все ради нескольких гиней, – сказала Джорджиана, устраиваясь в уголке дневной кровати и сбрасывая туфли. – Он такой жадный, что легко может сделать ошибку. – Она откинулась на подушки, и Нед, стоя перед камином, ощущал на себе ее пронизательный взгляд.

Нед чувствовал, как его пронзает этот взгляд зеленых глаз. Он посмотрел на нее, их взгляды встретились, и его неожиданно охватило чувство, будто это мгновение – в этой ком-

нате, с этой женщиной – ожидало его всю жизнь. У него возникло ощущение абсолютной правильности того, что она здесь, с ним. Он бессознательно отошел от камина, приблизился к ней и, наклонившись, поцеловал в губы.

Она не пошевелилась, не стала сопротивляться, но и не ответила на его поцелуй. Медленно отстранившись, все еще не отрывая от нее взгляда, он увидел в ее глазах множество вопросов. Она коснулась пальцем своих губ и, как будто в подтверждение чего-то, кивнула.

– Что? – осторожно спросил он.

Джорджи улыбнулась и ответила:

– Я всегда думала, каким должен быть настоящий поцелуй. Я уже думала, что никогда этого не узнаю. Спасибо, что показали, как это бывает.

Однако Нед ожидал совсем другой реакции. Ведь он поцеловал ее, а не преподнес букет цветов. Он удовольствовался ироничным поклоном, пробормотав: «К вашим услугам, мадам», – и вышел, плотно закрыв за собой дверь. И почти в ту же минуту услышал, как в замке повернулся ключ.

Нед в раздумье постоял немного у закрытой двери. Для него было непостижимо, как могла Джорджи не чувствовать связи между ними, которую чувствовал он. Эта связь была настолько сильной, почти осязаемой, что не верилось, будто только он один чувствует ее. Наверное, он становится глупцом, ибо – всегда прагматичный и деловой – теперь уступил порыву романтизма.

Единственное, в чем он не сомневался, что не сможет жениться на Саре Хартли. Когда-то он смирился с идеей удачного и выгодного брака между старыми друзьями. Но тогда не было другой женщины, к которой он питал бы нежные чувства. А теперь – теперь он хотел Джорджиану Кэри, и все избитые банальности казались свежими и умными.

Он влюбился, по уши влюбился, встретив любовь всей своей жизни, и теперь не мог жить без нее.

Нед рассмеялся. Он смеялся над собой и одновременно удивлялся всем этим невероятным событиям. Джорджи будет принадлежать ему. Но прежде чем это произойдет, он должен разорвать сеть, в которую она попала. Или она делала все это в своих интересах?

Он найдет отгадку чуть позднее. Нед шагал по коридору, снова направляясь в Длинную галерею.

Приблизившись к ней, он увидел стоявшего в дверях Годфри Белтона. Вернее, тот не просто стоял, а, тяжело дыша, опирался на косяк. Обычно красная, его кожа была серой и казалась липкой.

Он зло смотрел на приближавшегося Неда.

– Что вы тут делаете, Аллентон?

Нед посмотрел на него с невинным любопытством.

– Я собирался пройти по этой галерее, – ответил он. – Небольшая физическая нагрузка полезна после ленча. – Он поднял бровь. – Что-то случилось, Белтон? У вас нездоровый вид.

– Я прекрасно себя чувствую, – проворчал Белтон. Он выпрямился и неожиданно качнулся вперед, ткнув пальцем в грудь Неда. – А вы не заглядывайте на Джорджиану, Аллентон. Она – моя и скоро узнает об этом. Если хотите оказать ей любезность, держитесь от нее подальше. Понятно?

Нед брезгливо взял его палец и вернул владельцу.

– Какой же вы нецивилизованный грубиян, Белтон, – дружелюбно заметил он. – Буду вам признателен, если вы придержите ваши пальцы. – Затем он обошел его и ступил в галерею.

Годфри, повернувшись, наблюдал за ним.

– Ты пожалеешь об этом, Аллентон, – заявил он. – Ты теперь чужой здесь, и если ты воображаешь, будто имя Аллентонов что-то значит, то будешь неприятно удивлен. Такие, как

ты, больше не имеют здесь власти. Пройдет несколько месяцев, и мы с Селби будем владеть всеми землями от побережья до Пеннинских гор и выгоним Аллентонов и всех им подобных.

Нед стоял молча, глядя в одно из высоких окон и ожидая, когда уйдет Годфри.

Наконец тот удалился, прихрамывая.

И что именно он имел в виду под этими словами: «от побережья до Пеннинских гор»?

На запотевшем стекле Нед пальцем изобразил схему. До него начал доходить смысл сказанного Белтоном.

После того как Нед ушел, Джорджиана села у камина и, протянув к огню ноги, пошевелила пальцами. Она была поражена, осознав, что с ней произошло нечто удивительное. И она по наивности ожидала, что Нед это поймет. Как он мог не понять – ведь то же самое произошло и с ним?

Джорджиана смотрела на него, спокойно говорила с ним о Селби, а в ней возрастало непреодолимое желание. Желание прикоснуться к нему, желание, чтобы он прикоснулся к ней, и она уступила бы его силе. Как ей хотелось, чтобы кто-то разделял ее страхи, делал их ничего не значащими. Но сильнее всего Джорджи хотелось быть любимой так, как хотела бы любить она сама. Ее жизнь была пуста, бесцветна, в ней не было любви. А окружавшие ее люди старались что-нибудь получить от нее или как-то воспользоваться ею. И вот впервые появился человек, который наполнил эту пустыню светом, теплом и безграничными возможностями.

Джорджиана обхватила плечи руками – невольная поза; к сожалению, она не заменяла объятий Неда Вейзи. Джорджи купалась бы в сиянии этих золотисто-карих глаз, а губы чувствовали сладкую теплоту его губ.

Она разочаровала его своим прозаическим ответом, но ничего не могла с этим сделать. Все было так ново, свежо и многообещающе, что Джорджи не находила нужных слов. Но он вернется, она была в этом уверена, и когда это случится, она постарается не разочаровать его снова.

Ее руки опустились на колени, холодная реальность поглотила мечты. Если в этом обещании она видела свое будущее, то ей было совершенно необходимо сбежать от Годфри, пока снова не попадет в его руки. Она ругала себя за свою глупость, ей не следовало сбрасывать так старательно сохраняемую маску покорности. Она собиралась продолжать эту игру, пока не сможет благополучно сбежать. Вместо этого, в припадке временного помешательства, она раскрыла свои истинные чувства в тот момент, когда не могла считать себя в безопасности.

А Годфри расскажет Селби, что произошло. А может быть, не расскажет? Возможно, ему будет слишком стыдно кому-либо признаться, что потерпел поражение от рук слабой женщины. Но как бы он ни поступил, все равно жребий был брошен.

Глава 6

В этот вечер Нед медленно и неохотно передевался к обеду. Ему не хотелось провести еще один вечер под властью сумасбродного Князя беспорядков, и он подозревал, что Роджер Селби после сегодняшней встречи вряд ли останется дружелюбным. Их разговор явно не принес Селби желаемого результата. Еще был Годфри Белтон, которого Нед также сделал своим врагом. И он не найдет друзей среди других гостей. Так же как и настоящей благовоспитанности, и правил приличия. Кроме того, если их хозяин настроен против одного из гостей, то, как Нед подозревал, они, как послушная свора охотничьих собак, по приказу хозяина набросятся на этого гостя.

А что же с Джорджианой? Появится ли она или останется за запертой дверью? Нед все же надеялся, что она выберет последнее – для него одной заботой меньше, – однако был не настолько оптимистичен, чтобы думать, будто она предпочтет осторожность отваге после всего им увиденного.

В душе она и была разбойницей с Чевиотских холмов. Нед собирался выяснить это еще до наступления ночи. Кроме всего прочего, он хотел вернуть свои украденные вещи. Он не жалел о похищенных гинях, но золотые карманные часы принадлежали еще его деду, с которым у него было больше общего, чем с собственным отцом. Неду они были дороги. За последние пару дней не было возможности продать или заложить их, поэтому он обсудит это позднее, а тем временем добьется объяснений от леди Джорджианы Кэри.

– Вот так, сэр. Очень элегантно, милорд. – Дэвис с удовлетворением разгладил мягкую серую шерстяную материю на плечах Неда. – Я могу что-нибудь еще сделать для вас?

– Нет, спасибо, Дэвис, – ответил Нед. – Отправляйся ужинать. И не надо меня ждать: я могу вернуться очень поздно.

Дэвис поклонился.

– Хорошо, сэр. Если вы в этом уверены, милорд.

– Уверен. Это рождественская ночь, и все такое прочее. Повеселись как следует в этот вечер. – Нед улыбнулся и, отпуская его, махнул рукой в сторону двери. Он подождал, пока лакей ушел, плотно закрыв за собой дверь, и только тогда достал из гардероба свой портплед. Дэвис уже вынул из него все, что нашел, но он не знал о потайном отделении. Нед приподнял подкладку на дне портпледа, затем твердое кожаное дно. Под ним он хранил пистолет и другие ценности. Но сегодня ему понадобился пистолет. Он был небольшой, с отделкой из слоновой кости, и в руках лорда Аллентона выглядел устрашающе.

Нед протер его, зарядил и спрятал во внутренний карман сюртука, где он уютно устроился под мышкой. Нед посмотрел на себя в зеркало и удовлетворенно кивнул. Умело скроенная одежда прекрасно скрывала спрятанную вещь. Почему он предполагал, что ему сегодня потребуется пистолет, оставалось тайной. Это было по меньшей мере необычно: садиться за праздничный стол вооруженным, – но лучше предусмотреть, чем сожалеть. В прошлом Нед не раз получал этот урок. В Индии ни один хотя бы немного соображающий человек не выйдет из дома безоружным или без вооруженной свиты. Угрозу представляли как люди, так и звери.

Чувствуя под мышкой знакомую тяжесть, Нед держался намного увереннее. Однако если бы ему пришлось стрелять, выбираясь в метель из этого дома, то попал бы из огня в полымя, с мрачным юмором размышлял он, спускаясь вниз в гостиную.

Все гости были в сборе: одни пили вино, другие играли в кости на покрытом сукном столе, стоявшем в нише у окна. Здесь царила атмосфера, более похожая на кабак или бордель, а не на гостиную джентльмена перед званым обедом, подумал Нед, взяв бокал вина с подноса разносившего вино лакея. Никаких признаков Джорджианы.

Он направился к Селби, занятому разговором с Белтоном.

– Добрый вечер, джентльмены, – поклонился Нед.

Годфри отошел, а Селби в ответ лишь коротко кивнул.

– Я хочу взять обратно купчую, Аллентон. Это мое доказательство.

– Конечно, – миролюбиво улыбнулся Нед. – Как только стряпчий просмотрит ее и обсудит это дело с моим агентом, я обязательно верну ее вам.

– Мы держим свое слово в этих краях, – заявил Селби. – Как я уже говорил, вы окажетесь персоной нон грата, если не отдадите.

Нед, соглашаясь с ним, кивнул.

– Я уверен, что это так, Селби. Но если вы помните, это было не мое слово. – Он поднес бокал к губам и ждал реакции хозяина.

Селби одним глотком осушил бокал и приказал лакею принести еще вина.

– Тогда вы рискуете своей головой, Аллентон, – сказал он и отвернулся, больше не обращая внимания на Неда.

Нед пожал плечами и пошел дальше. Он видел любопытные взгляды, слышал разговоры вполголоса, которые замолкали при его приближении. Но тут открылась дверь и вошла Джорджиана.

На ней было изумрудно-зеленое платье, перетянутое под грудью шелковым поясом цвета бронзы. Длинные рукава облегли руки и на запястьях заканчивались небольшими изумрудными запонками. Рыжие волосы, высоко зачесанные, оставляли открытой шею, в ушах сверкали два изумруда. Джорджи стояла на пороге с горящим взглядом.

Она великолепна, подумал Нед, у которого перехватило дыхание. Великолепная и вызывающе смелая, готовая дать отпор своему опекуну, жениху и толпе пьяных гостей.

Джорджиана встретила его взгляд и чуть заметно улыбнулась. Почувствовала себя сильной, ей было удивительно легко теперь, когда она решила бросить притворство. Теперь ей было нечего терять.

– Моя дорогая подопечная, я так рад, что вы решили присоединиться к нам, – сказал Селби, подходя к ней. – После небольшой неприятности сегодня днем я был уверен, что вы останетесь в своей комнате.

Что именно Годфри рассказал Селби о происшествии в Длинной галерее? Наверняка не правду. Она была бы слишком унижительна для него. Улыбка Джорджианы заморозила бы и василиска. Она изобразила реверанс.

– Я не помню никакой неприятности, милорд. Должно быть, вы заблуждаетесь.

Селби, прищурившись, смотрел на нее.

– Я сомневаюсь в этом, моя дорогая. Очень сомневаюсь.

– Извините меня, сэр. – Джорджи отошла от него и через всю комнату направилась, по пути здороваясь с другими гостями, к месту, где стоял Нед. Она скорее почувствовала, а не увидела, как Годфри шагнул к ней, и заставила себя улыбнуться. Без сомнения, если проигнорировать Годфри, он не устроит ей скандал здесь, у всех на глазах.

Но она не была в этом уверена и немного успокоилась, когда добралась до Неда.

– Добрый вечер, леди Джорджиана, – поклонился Нед. – Позвольте предложить вам вина? Он подозвал лакея.

Джорджиана взяла с подноса бокал и незаметно покосилась в сторону Годфри, который стоял в нескольких футах от нее, пожирая злобным взглядом.

– Не беспокойтесь, – тихо сказал Нед. – Если он устроит скандал, у меня с собой пистолет.

Джорджи изумилась:

– Не может быть!

– Конечно, может, – холодно улыбнулся он. – Я вечный странствующий рыцарь. Всегда готовый вступить за попавшую в беду принцессу.

Ее глаза на мгновение весело блеснули и снова потемнели. Она начала что-то говорить, но Годфри перебил ее.

– Вы обижаете меня, мадам, не обращая внимания на своего жениха, – сказал он с нескрываемой угрозой. – Ваш долг быть рядом со мной, а не с кем-то еще. – Он повернулся к Неде, его глаза от ненависти сощурились и налились кровью. – А вам тут нечего делать. Уходите, сэр.

Нед заколебался. Но он не хотел осложнять обстановку, и открытая враждебность ничего бы ему не дала. Он ободряюще улыбнулся Джорджиане:

– Позвольте на минуту оставить вас, мадам.

Нед немного отошел от них и, остановившись у камина, встал, опершись рукой о каминную полку и поставив ногу на решетку. Медленно потягивая вино, он открыто наблюдал за Джорджи и Белтоном.

Джорджиана улыбалась, уверенность вернулась к ней. Имея за спиной Неда, она могла справиться с Годфри.

– О чем же вы желаете поговорить со мной, Годфри? – спросила она, поднося к губам бокал.

– Поговорить с вами? – удивился он. – Почему мне надо хотеть о чем-то говорить с вами? Просто не желаю, чтобы вы беседовали с Аллентоном. Я уже говорил вам об этом. И не хочу, чтобы мне не повиновались.

– Вы становитесь утомительным, Годфри, – сказала Джорджи, отворачиваясь от него. Белтон схватил ее за руку, и она, взглянув на него через плечо, остановилась. – Отпустите меня. Не хотите же вы повторения того, что произошло сегодня днем, здесь, перед всеми.

Было рискованно и глупо возражать ему, но она столько месяцев переносила его грубость с улыбкой, покорно потакая ему и подчиняясь, что сейчас Джорджи владело удивительное ощущение свободы, от которого кружилась голова. Сегодня она ничего не боится и готова на все. И знала почему.

Ее не остановило и выражение лица Годфри. Было ясно, что он вне себя, лицо его пылало, глаза угрожающе налились кровью. Вена пульсировала у него на виске, а рука сжимала ее предплечье, уже покрытое синяками, полученными в этот день, так сильно, что слезы были готовы брызнуть из глаз от боли.

– Вы пожалеете об этом, Джорджиана, – пообещал он. – Потом. Я позабочусь об этом. – После чего он отпустил ее руку, почти отбросив от себя, и направился к игрокам в кости.

Холодок пробежал по ее спине. Она шагнула было в сторону Неда, но он, почти неувидимым движением качнув головой, остановил ее. Конечно, что бы ни придумала Джорджиана, ее поведение ничего не могло изменить. Она отвернулась от Неда и подошла к дивану, на котором сидели и о чем-то болтали две женщины.

– Добрый вечер, миссис Эддингтон, миссис Мэрифилд. – Джорджиана села на стул рядом с диваном. – Надеюсь, вы провели приятный день?

– Да уж, леди Джорджиана, очень приятный, – подтвердила миссис Эддингтон и заговорщически подмигнула миссис Мэрифилд. – Развлечения в доме вполне могут возместить недостаток развлечений на свежем воздухе. – Она подмигнула с вульгарной многозначительностью.

– Ох. Перестаньте, дорогая миссис Эддингтон, – сказала миссис Мэрифилд, прикрываясь веером. – Постыдитесь, мэм. Чувствительность леди Джорджианы слишком деликатна для таких разговоров.

Ее компаньонка только рассмеялась.

– Еще всего лишь несколько месяцев, дорогая моя подруга. Как только она выйдет замуж и разделит ложе с мужем, то присоединится к нашему обществу, попомните мои слова.

– О да. – Миссис Мэрифилд многозначительно кивнула и посмотрела на Годфри Белтона. – Какой мужчина! Вас можно поздравить с такой удачной добычей, моя дорогая Джор-

джиана. Из него получится прекрасный муж. А тот дом, что он строит для вас... все говорят, это будет самый прекрасный дом во всем графстве.

– Не знаю, мадам, – сказала Джорджиана, скрывая свое отвращение. – Со мной не советовались.

– А чего вы хотели, моя дорогая? – воскликнула миссис Эддингтон. – Разве это женское дело – иметь свое мнение в таких делах. Предоставьте это вашему мужу, дитя. Ему лучше знать.

– Я уверена, – сказала Джорджиана, постукивая сложенным веером по колену. – Годфри должен знать лучше.

Объявили, что обед подан, и гости направились через холл в столовую, где вдоль стен выстроились слуги. Приглашенные к обеду стали за своими стульями перед длинным столом, и из холла послышался рождественский гимн «Слава кабаньей голове». Все глаза обратились к двери. Вошел повар с большим золотым подносом в руках, на котором поблескивала голова кабана, обложенная листьями лавра и розмарина, с вложенным в рот яблоком. За ним шествовали слуги с блюдами, украшенными гирляндами остролиста и можжевельника. Они пели традиционные древние песенки.

Гости присоединились к финальному припеву, как раз когда великолепное блюдо поставили на стол среди ярко горевших свечей и лорд Селби взял особые нож и вилку для нарезки мяса. Он оглядел стол и улыбнулся.

– Джорджиана, вы награждаетесь яблоком, – объявил он в сопровождении весьма негромких аплодисментов. – Оно удовлетворит ваш несколько скромный аппетит. – Селби достал вилкой яблоко изо рта головы и положил на подставленную поваром тарелку.

Тарелку поставили перед Джорджианой, которая слабо улыбнулась шутке. Гости расселись по местам. Кабанья голова и молочный поросенок были разрезаны и распределены. В комнате было жарко, и сильный густой запах мяса, не рассеиваясь, стоял в ней. Горело столько свечей, что их свет ослеплял. Джорджиана взглянула на сидевшего напротив нее Неда и не увидела никаких признаков, что происходящее доставляет ему хотя бы небольшое удовольствие. Он словно почувствовал ее взгляд и чуть заметно прикрыл один глаз. Джорджиана мгновенно почувствовала себя сильнее.

Нед, насколько это было возможно, держался в стороне весь этот бесконечный вечер. После обеда Князь беспорядка объявил игру в жмурки. Обычно в этой игре кому-то завязывали глаза. Когда водящему удавалось поймать другого игрока, он хлопал его по плечу, и теперь тому завязывали глаза; так игра и продолжалась. А в этой игре удар по плечу заменялся поцелуем. И игра быстро превратилась во всеобщий пьяный разгул, мебель бросали на пол, бокалы разбивали, поцелуи заменялись похотливыми объятиями.

Джорджиана держалась с краю, грациозно увертываясь от ловца, как будто играла по-настоящему, но ни минуты не рискуя быть пойманной. Она заметила, что Нед делал то же самое. Было совершенно очевидно, что он, как и она, знал: им грозит скрытая опасность. Если им завяжут глаза, они станут беспомощными жертвами буйной компании.

Когда часы пробили полночь, Годфри стал ловцом. Среди всеобщего веселья Селби завязал ему глаза шарфом, три раза повернул его, отступил назад и, поднеся ко рту бокал, прикрыл глаза, наблюдая.

Годфри двигался с удивительной для такого крупного, к тому же пьяного человека ловкостью. Он подкрадывался, прислушивался и вертел головой, как будто принохиваясь к кому-то. Джорджиана отошла в дальний угол гостиной. Нед стоял у дверей, пристально наблюдая за ним. Неожиданно Годфри повернулся в сторону Джорджианы. Он начал пробираться среди мебели, и у Неда перехватило дыхание. В движениях этого человека чувствовалась целеустремленность, выбор направления, и Нед догадался, что Годфри все видит. Селби так завязал шарф, что снизу оставалось открытое пространство, через которое тот мог видеть.

Не договорились ли они между собой заранее? Джорджиана должна быть наказана за непослушание. С огромным усилием Нед держал себя в руках, глядя, как широко раскрылись глаза Джорджианы, когда она поняла, что Годфри направляется прямо к ней. Она отошла в сторону. Он последовал за ней. В комнате царила какофония смеха и радостных возгласов. Казалось, все участвовали в этой шутке, кроме Джорджианы и Неда.

Джорджиана отгородилась стулом, но кто-то оттолкнул его и в тот же момент Годфри бросился вперед. Он поймал ее, загнав в угол, сорвал с глаз повязку, и в комнате все громче и громче раздавались аплодисменты. Белтон обхватил ладонями ее лицо и прижался к ее губам. Джорджиана задыхалась от отвратительного запаха его горячего дыхания, мокрых мясистых губ, тяжести тела, прижимавшего ее хрупкую фигурку к стене. А в ушах гремели злорадные торжествующие аплодисменты присутствующих.

Нед опустил руку в карман сюртука, и его пальцы сжали сделанную из слоновой кости рукоятку пистолета. Инстинкт подсказывал ему, что надо сдержаться. Если бы он и выстрелил, то только в воздух. И тогда вся обстановка превратилась бы в настоящую катастрофу. Нед не раз видел бунт и знал, как это происходит даже с такой маленькой группой в соответствующих условиях. А здесь условия вполне созрели для драки. Все гости были пьяны, агрессия витала в воздухе, и ее легко мог спровоцировать главарь. И Селби, и Белтон были готовы первыми бросить камень.

Но Нед просто не мог больше смотреть, как Белтон слюнявил и лапал Джорджи, и медленно вытаскивал пистолет из кармана.

И вдруг все кончилось. Белтон отступил, тяжело дыша и прижимая руку к боку. Джорджиана, освободившись, вышла на середину комнаты. Она казалась спокойной, но ее лицо было мертвенно-бледным, а глаза лихорадочно блестели.

– Извините меня, лорд Селби, я чувствую, что устала, – сказала она твердым как скала голосом. – Я хочу лечь. Доброй ночи, Годфри. Леди и джентльмены. – Вместо почтительного реверанса она кивнула и повернулась к двери.

Нед распахнул перед нею дверь, и, проходя мимо, она взглянула на него. Он закрыл дверь, пытаясь догадаться, что она сделала Годфри, ибо тот свалился в кресло, одной рукой зажимая бок, а другой поднося ко рту бокал с вином. Как бы то ни было, это прошло незаметно для всех, кроме жертвы. Нед раздумывал, не требуется ли Годфри помощь.

Напряжение развеялось, гости бесцельно слонялись по комнате. Селби предложил игру в шарады, но это не вызвало большого энтузиазма и толпа начала расходиться. Гости направились к лестнице, чтобы забрать переносные свечи. Поднимаясь по ступенькам, некоторые спотыкались, некоторые неуверенно покачивались, хватаясь за перила.

Нед собирался последовать за ними наверх, когда за его спиной раздался голос Селби:

– На одно слово, Аллентон.

Нед медленно повернулся и оказался лицом к лицу с Селби и Белтоном, стоявшими перед ним плечо к плечу.

– Конечно, – сказал он с любезной улыбкой. – Чем могу быть вам полезен, джентльмены?

– Не здесь, – сказал Селби. – Там, – кивнул он в сторону гостиной.

Нед взвесил свои возможности. Он не доверял ни одному из них, но у него был пистолет. И его все же интересовало, что им от него понадобилось – кроме, конечно, двух тысяч гиней за ни к чему не пригодный кусок земли.

Он пожал плечами.

– Если желаете. – Он отошел от лестницы.

Селби и Белтон переглянулись и встали по обе стороны от него.

– Добрый человек, – заявил Селби, – у меня есть совершенно особенный прекрасный коньяк, и я хотел бы, чтобы вы попробовали его.

Они, зажимая его между собой, провели через гостиную в библиотеку.

Белтон плотно закрыл за ними дверь и запер на ключ. С неприятной, зловещей улыбкой он обратился к Неду.

– Было бы намного лучше для вас, если бы вы нашли себе другой приют, Аллентон, – сказал он, похрустывая косточками пальцев.

– Неужели? – Нед приподнял бровь. – Как это понимать?

– Вы оскорбили мое гостеприимство, Аллентон, – заявил Селби. – Вы опозорили мою подопечную, невесту Белтона...

– И как же я это сделал? – перебил его Нед. – Не говорите чепухи; воображение заводит вас слишком далеко.

– Я видел, как вы смотрите на нее... и видел, как она смотрит на вас, – сказал Белтон, подступая к нему. – И скажу вам: после того как я разделаюсь с вами, на вас нельзя будет посмотреть без сожаления. – Без всякого предупреждения он ударил Неда кулаком в живот.

От боли у Неда перехватило дыхание. Но Белтон был пьян и ослабел. Нед же, наоборот, физически окреп за годы, проведенные в Индии. Он не копался в цифрах, сидя за столом, а целыми днями верхом на лошади разъезжал по своим владениям и плантациям. Он охотился вместе с махараджами, фехтовал и соревновался в стрельбе с офицерами Ост-Индской компании, и слабый удар, полученный от Годфри Белтона, хотя и неожиданный, напоминал скорее укусы блохи, а не укол осинового жала.

Нед размахнулся и кулаком ударил Годфри в челюсть. Тот свалился на стоявший рядом стул, а Нед повернулся к Селби.

– Я не считаю, что оскорбил ваше гостеприимство, Селби, зато уверен, что вы нарушили законы гостеприимства. Разве вы всегда натравливаете ваших прирученных разбойников на гостей, если те отказываются платить за постой?

Нед задумчиво потер косточки пальцев.

– Я могу лишь предположить, что вы требуете с меня две тысячи гиней за комнату и стол. Мне это представляется несколько излишним. А теперь извините: я не буду пить предложенный вами коньяк. Прощайте, сэр. – Он поклонился и подошел к двери. Затем повернул ключ, каждую минуту ожидая услышать ответ Селби. Но ничего не услышал.

Селби только посмотрел, как за Недом закрылась дверь, и перевел взгляд на скорчившегося Белтона.

– Тебе и правда приходится нелегко, Годфри, – сказал он. – Я всегда говорил тебе: не лезь со своими кулаками, особенно к Джорджиане. У нее в одном мизинце больше мозгов, чем у тебя во всем теле.

Он разлил коньяк по бокалам и протянул один распрямившемуся Годфри. Селби задумался.

– Я начинаю думать, тот ли ты человек, который мне нужен, – размышлял он.

Годфри удивленно посмотрел на него:

– Мы же заключили соглашение, Селби. Я справлюсь с Джорджианой. Можешь не беспокоиться.

– Я на это надеюсь, Годфри. Очень надеюсь. – Селби поставил бокал. – Желаю тебе доброй ночи... и большей удачи с ней завтра. На твоём месте я бы постарался держаться от нее подальше. Я не видел, что она сделала с тобой минуту назад, но, должно быть, что-то очень неприятное. – Селби с издевкой усмехнулся и вышел из библиотеки, бросив через плечо: – Погаси свечи перед уходом.

Годфри злобно выругался. Он допил вино и швырнул бокал в камин, где хрусталь разбился вдребезги. Его бок словно жгло огнем, но он не знал, как она это сделала. Он то прекрасно себя чувствовал, то его пронзала невыносимая боль, какую ему еще никогда не приходилось испытывать.

Но ее надо покорить. Джорджиана была такой маленькой, такой хрупкой. Смешно даже подумать, что он не справится с нею. Теперь он подготовился.

Кто предупрежден, тот вооружен.

Глава 7

Нед в ожидании сидел в своей комнате у камина, с бокалом вина в руке. В его жизни, вспоминал он, было несколько необычно проведенных рождественских праздников. Никто не мог бы рассказать, что ел кабанью голову и пропитанный бренди рождественский пудинг и пел рождественские песни в полуденную жару в Мадрасе в декабре месяце. Англичане благоговейно соблюдают свои традиции в самых невообразимых обстоятельствах. Однако последние двадцать четыре часа превосходили весь его опыт. И Нед был совершенно уверен, что они изменят ход его жизни, изменят навсегда. При этой мысли улыбка мелькнула на его губах.

Нед подождал, пока часы пробьют один раз, и затем встал и подошел к двери. Он открыл ее и, выйдя в коридор, прислушался. Там царила тишина, а на стене в конце коридора, ведущего в галерею, горел единственный светильник.

Нед тихонько подошел к лестнице. Ни звука. У лестницы он остановился. Внизу, в полутемном холле, также горел единственный светильник. Не слышалось ни звука, кроме потрескивания деревянных половиц старого дома. Осторожно ступая, он спустился по лестнице, пересек холл и открыл дверь в гостиную. Там оказалось темно, и когда он направился к двери в библиотеку, то увидел, что она закрыта и из-под нее не виднеется предательской полоски света.

Нед вернулся к лестнице, снова поднялся наверх, но, вместо того чтобы направиться в свою спальню, свернул в коридор, в котором уже побывал вместе с Джорджи. Нед остановился перед ее дверью. Снизу из-под двери пробивался свет. Он тихонько постучал.

– Джорджи, откройте мне.

Ответом была лишь тишина. Он уже собирался снова постучать, когда услышал, как в замке повернулся ключ. И дверь приоткрылась. Нед вошел, и Джорджи, поспешно закрыв ее, снова повернула ключ.

– Я не разбудил вас?

Она покачала головой и просто сказала:

– Нет. – Она повернулась к огню, где на камне стоял маленький котелок. – Я подогреваю себе немного молока. Хотите?

– Нет, – отказался он. Это было так умиротворяюще, так по-домашнему, а он никогда такого не чувствовал. – А что еще у вас есть?

Джорджиана, наклонившаяся к своему котелку, выпрямилась и засмеялась.

– А на десерт коньяк. Я люблю добавлять немножко в молоко.

– Звучит отвратительно, – сказал Нед, наполняя бокал. – А что вы сделали Белтону?

– Ударила по почкам, – спокойно ответила Джорджи. – Незаметно, но очень чувствительно. – Она сняла котелок с огня, собираясь вылить молоко в приготовленную чашку, но отставила ее в сторону. – Нет, вероятно, вы правы. Сейчас не время для горячего молока. – Она встала и повернулась к нему.

– Где вы научились этим трюкам? – спросил Нед, пристально глядя на нее.

– Каким трюкам? – насторожилась Джорджиана.

– Вы прекрасно знаете каким, – сказал он. – Хотите коньяку?

– С удовольствием... а если вы имеете в виду мою способность защищаться, то этому меня научил сын Джейкобса, боксер-профессионал.

Нед рассмеялся, подавая ей бокал.

– Я подумал, что у вас с Джейкобсом какие-то необычные отношения.

– Он мой верный друг, – призналась Джорджи с некоторой осторожностью. – Он знал моего отца. Они росли вместе.

– Так ваша семья родом из Нортумберленда? Кэри... Я не узнаю это имя.

Джорджиана устроилась на кушетке. Казалось бессмысленным держать в тайне историю ее семьи. И желание довериться Неду Вейзи было непреодолимым. С тех пор как Джорджи оказалась в этом месте, бесцеремонно оторванная от своих лондонских корней, она жила своим умом и старалась держаться в тени. Никому ничего не рассказывать, никому ни в чем не доверять. Вся ее энергия была направлена на поиски способа выбраться из злополучной ситуации, в которую ее насильно вовлекли. Но между нею и этим мужчиной возникло что-то непредвиденное. И ее инстинкт настойчиво подсказывал ей, что она может на него положиться.

– Мой отец был младшим сыном в семье Данстон. Детей было шестеро, и по законам первородства он ничего бы не наследовал. – Джорджи безнадежно махнула рукой: законы, касавшиеся собственности, непоколебимы. – Когда один из дальних родственников, Джеремайя Кэри, предложил усыновить его, ибо у них с женой не было детей, лорд Данстон ухватился за это предложение. Оно означало, что его младший сын будет хорошо обеспечен. Так, в возрасте десяти лет моего отца отправили в Лондон к Джеремайе, где он и жил, принял их имя и после смерти Джеремайи наследовал его состояние. Он удачно женился. Родилась я, а потом оба родителя в течение двух месяцев друг за другом умерли от тифа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.